

ДНЕПРОВСКАЯ ВОДА ПОЙДЕТ В КРЫМ

К автобусной остановке на одной из симферопольских улиц подошел человек с чехолчанкой в руке. Он спросил: — Скажите, пожалуйста, как проехать к морю? Тотчас же раздались несколько голосов: — К какому морю? К нашему? У жителей города с недавних пор действительно появилось «свое» море — Симферопольское водохранилище, созданное в пойме реки Салгир. Водохранилище расположено почти за южной чертой города и уже вполне обжито: сюда приезжают загорать, купаться, ловить рыбу, покататься на лодках, шверботах, яхтах. Существует даже специальный автобусный маршрут «Центр — Водохранилище».

Главное назначение Симферопольского моря — снабжать водой город и строящуюся Салгирскую оросительную систему. Ее сеть тремя многокилометровыми линиями протянется к северу и орошит земли двух десятков колозов и совхозов — свыше десяти тысяч гектаров полей, садов, огородов. В этом году два ближайших к городу колоза уже начали получать салгирскую воду.

Я побывал в одном из них, в колозе имени А. А. Идалькова. И предстал передо мной Григорий Иванович Гаспаров и бригадир-овощевод Федор Федотович Заболотный, и все с кем мне пришлось говорить, были очень рады появлению салгирской воды, но в то же время резко критиковали строителей за медленные темпы сооружения оросительной сети.

Впрочем, строители обязались в этом году протянуть трубопроводы еще до десяти колозов, увеличив площадь орошаемых земель до 3,5-4 тысяч гектаров.

Это только часть крупных ирригационных работ, которые будут осуществлены в Крыму в годы шестой пятилетки.

Особенно много предстоит сделать в безводных и засушливых районах северной и центральной части полуострова. Здесь вода всегда была остродефицитной. Источники, артезианские скважины и колодези (а их в Крыму ежегодно бурят десятки) не хватает. Воды мало, а она требуется и для орошения, и для промышленности, и для бытовых нужд населения. В этих местах пятью годами приходится привозить за тридцать-сорок километров. А кое-где вынуждены пользоваться «ко-

панями» — небольшими водоемами, в которых скапливается дождевая вода. По Северо-Крымскому каналу в сухую степь хлещут животворные воды Днепра. Канал пересекает весь полуостров от Перекопского перешейка до Керчи. На протяжении 424-километровой трассы канала будут сооружены несколько больших водохранилищ общей емкостью в 135 миллионов кубических метров, 13 крупных насосных станций, несколько линий железобетонных трубопроводов, десятки других оросительных сооружений.

От главной линии канала пойдут его ветви — 50-километровый Красногвардейский канал, Старо-Крымский канал (длиною более 30 километров) с более мелкими оросительными ответвлениями. Общая протяженность каналов в Северном Крыму

превысит две тысячи километров. Вода будет подаваться на территорию двенадцати районов, в сады и на поля более ста колозов и совхозов. После окончания первой очереди строительства приток новых поливных земель составит 50 тысяч гектаров. Кроме того, будет обводнена площадь, равная еще почти 300 тысячам гектаров. Полностью будут удовлетворены потребности в воде Керченского промышленного района, Феодосии, ее пригородных предприятий, Джанкоя и других крымских городов.

Воды Северо-Крымского канала заполнят более чем двести прудов и многие сотни искусственных водоемов. Экономисты подсчитали, что все затраты на это строительство окупятся в течение первых же двух лет. Достаточно сказать, что только новые площади орошаемых земель помогут вырастить 134 тысячи тонн фруктов и ягод, 194 тысячи тонн овощей, 48 тысяч тонн риса и кукурузы и т. д.

Ирригационные изыскания проводятся сейчас и в южной части полуострова. Для обеспечения водой предгорных и горных районов Южного Крыма разрабатывается схема комплексного использования всех протекающих здесь рек — Альмы, Качи, Бельбека и других. Будет создана сеть водохранилищ, трубопроводов и каналов, которая позволит резко улучшить снабжение водой населенных пунктов, обеспечит устойчивые высокие урожаи винограда, фруктов, овощей, табака.

А. ПОЛОВНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты». На снимке: проект Северо-Крымского канала, Симферопольского водохранилища, разрабатываемый Министерством сельского хозяйства СССР.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 87 (3588)

Вторник, 24 июля 1956 г.

Цена 40 коп.

Ученый на периферии

Проф. Б. МИХАНТЬЕВ, ректор Воронежского государственного университета

Нередко случается: философ, с блеском защитивший диссертацию при столичном вузе, или историк, уже серьезно выживший какой-то себе в науке, или представитель какой-то другой гуманитарной дисциплины отбыл на периферию. Проходит год, другая... Но что-то не слышно об успехах ученого, подававшего большие надежды. Не появляются в печати его статьи, не выходит в свет его книги.

— Периферия засасала, — говорят в таких случаях, часто даже не давая себе отчета в реальном, истинном значении этого суждения.

Химики по специальности, я не случайно выбрал для примера представителей гуманитарных наук. При всех трудностях, которые приходится преодолевать физикам, химикам, геологам, биологам, ведущим научную деятельность вдали от столичных центров, все же их положение, а главное — конечный эффект их работы, конкретный вклад в развитие большой советской науки выгодно отличаются от того, что пока является нашим коллегам — представителям гуманитарных наук. Как ректор университета я сужу об этом понаслышке. Между тем назрела необходимость в том, чтобы многотысячный отряд представителей общественных наук, находящихся на периферии, получил возможность с гораздо большей силой влиять на развитие нашей культуры, на марксистскую разработку актуальнейших проблем в области истории, экономики, философии, права, в области всех гуманитарных наук. Что же препятствует этому?

1. Время с нарастающей силой раскрывает революционный смысл и значение исторических решений XIX столетия КПСС. Борьба против культа личности и его последствий, развернутая и неустанно проводившаяся нашей партией при активной поддержке народных масс, идет под знаком искоренения всего, что сковывает инициативу, творческие силы, мешает смелости и простору мысли. Теперь, в свете документов съезда, ясно видно, что творческая робость, преимущественная ориентация на темы, апробированные центром, внутренняя примиренность с тем, что кардинальные проблемы общественных наук могут решаться только в Москве, — эти и многие другие вещи развились в среде периферийных ученых как прямое следствие культа личности. Под его воздействием периферийные кафедры общественных наук со временем пришли в творческое опешенение, десятки и сотни талантливейших специалистов оказались в стороне от участия в подлинно научной разработке насущных вопросов теории и практики коммунистического строительства.

Не надо закрывать глаза на то, что и после партийного съезда эти товарищи, которые продолжают занимать позицию осторожного выжидания. Слишком глубокие корни пустила привычка бездумно следовать столичному авторитету, слишком многие годы чужие, достигшие степени интуиции, заменяют ясным деятелем от науки способность к самостоятельному мышлению. Понятно, что переход от комментаторства к продуктивному творчеству, даже при самом искреннем стремлении, не может осуществляться скороналетным темпом. Главное, однако, в том, что экономисты, историки, философы, юристы периферии преисполнены решимости не дать ответить на ревкую и справедливую критику, прозвучавшую с трибуны партийного съезда в адрес работников общественных наук. Это делает крайне необходимым обстоятельный разбор и быстрой ликвидации конкретных причин, которые препятствуют выходу ученых периферии на генеральные пути научного творчества.

2. Представьте себе историка, экономиста, философа, литературоведа, работающего в одном из областных центров и создающих научный труд. Не буду подробно останавливаться на том, каких усилий это стоило. Если нежелательно написать хорошую работу, живя в столице, где под рукой — архивы, Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, специальные библиотеки и справочные отделы, где обеспечена возможность квалифицированной консультации, авторитетного обсуждения рукописей, то создать научную работу на периферии значительно труднее. Но вот работа все же закончена и направлена в столичное издательство. Здесь она получает наименование «самотека» со всеми вытекающими из этого последствиями. Ведь с автором не было договоренности, ему эту книгу не заказывали, она не включена в план издательства. И чаще всего только по этой причине, даже при благоприятных отзывах, научный труд отклоняется. А если к тому же окажется, что взгляды автора не совпадают с мнением рецензента, работе вообще трудно увидеть свет. Точно такая же картина и в журнале — специальных и литературно-художественных, где иногда печатаются научно-популярные статьи. Неужелюбному читателю, впрочем, может показаться, что такие журналы, как «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Вопросы экономики», уделяют достаточно внимания трудам периферийных ученых. Среди их авторов — немало людей, местожительство которых, указанное в скобках, подтверждает на первый взгляд такое предположение. Но, приглядевшись, вы увидите, что все статьи с периферии сконцентрированы, главным образом, во второй половине журнала, где помещаются выступления по частным вопросам. Среди авторов капитальных проблемных работ ученые периферии появляются очень и

очень редко. Так, из десяти работ по диалектическому материализму, напечатанных в журнале «Вопросы философии» в 1955 году, нет ни одной, принадлежащей перу периферийного автора, по историческому материализму — одна (из четырех), по истории философии — две (из девяти). В общей сложности из 113 работ или менее крупных работ лишь 19 принадлежит ученым, живущим вне Москвы и Ленинграда.

Из приведенных цифр видно, как тесно горюшка, сквозь которую проходят на страницах московских журналов работы, созданные нашими товарищами. Между тем именно сейчас крайне важно поднять заинтересованность столичных органов печати и издательства в трудах и статьях, создающихся на периферии. Этот интерес должен найти свое выражение в рабочих планах, в системе хорошо продуманных мероприятий, которые поведут к расширению авторского актива, обеспечат большее разнообразие тематики.

Одно время Государственное издательство юридической литературы, например, интенсивно вело такую работу: рассылало свои тематические планы и проспекты, организовывало командировки редакторов на периферию с целью установления связи с местными авторами и т. д. Аналогичные попытки в этом направлении делались и Государственным издательством политической литературы. Но, к сожалению, хорошее начинание должным образом не развилось. Уже в 1955 году Государиздат из 93 работ, изданных в четырех редакциях, выпустил лишь 13, принадлежавших периферийным авторам. Не лучше обстоят дело и в Госполитиздате.

Теперь несколько слов о том, как издаются научные работы на местах.

Наш Воронежский университет, например, может хвалиться в год лишь 6—8 выпусков «Трудов» общим объемом в 80 печатных листов. Для университета, где работает 260 научных сотрудников, этого, конечно, очень мало. Вообще следует признать, что по масштабам издания научных работ на периферии мы отстаем не только от довоенного уровня, но и от довоенного состояния. Чтобы не быть голословным, скажу, что до революции в Воронежске выходили философские записки — журнал, в котором считался «за честь печататься не только столичные ученые, но и крупнейшие ученые зарубежных стран. До Отечественной войны при Воронежском университете было свое научное издательство, работавшее в полную силу, вполне рентабельное; оно выпускало весьма ценные научные труды. А ныне «журнал «Труды ВГУ» печатаются при Харьковском университете, где, кстати сказать, печатаются научные сборники, создаваемые учеными Ростовской, Сталинградской, Грозненской областей, Ставропольского и Краснодарского краев.

И вот, памятуя о сказанном выше, пусть читатель представит себе возрастную, противоречивую картину, в которой, сотни раз армия преподавателей гуманитарных наук, живущих по нашим областным городам, представляют этих людей в деле, в учебной работе над своими книгами, статьями. Это позволяет ему до конца понять, что под выражением «засасала периферия» скрывается обстановка, прямо противоположная смыслу этих слов. Жизнь дает обильный материал для творчества, и наши лучшие ученые стремятся углубленно осваивать его. Следовательно, первейшая задача — открыть таланты, которые содержат в себе творческие силы, дать им настоящий простор.

3. Как ни мало издается книг на периферии, они все-таки издываются; как ни мало выходит «Ученых записок», они все-таки выходят, хотя все это, повторяю, во много раз меньше возможно. И вот здесь мы сталкиваемся с одним совершенно нетерпимым обстоятельством.

За редчайшим исключением работа, выходящая на периферии, никак не оценивается в центральной печати; весьма редко отныне вы упоминаете об «Ученых записках» какого-либо периферийного вуза, хотя в них бываю помещены интересные и оригинальные работы.

Такое равнодушие к периферийным ученым не только обидно. Оно свидетельствует о забвении одной из благороднейших традиций отечественной науки, когда каждый действительно крупный ученый считал своим долгом и обязанностью поддерживать, выдвигать, ставить в центр внимания научной общественности все талантливое, умное, ценное, что создается на периферии. Разве нужно говорить о том, что эти книги и авторы, больше чем кто-либо, нуждаются в поддержке, совете, строгой и доброжелательной критике? В Воронежске, например, вышла книга доцента В. Тонкова об А. Кольцове. Я не специалист и не берусь судить о ее достоинствах и недостатках, но отмечу, что это — первая монография о поэте в советском литературоведении, но она до сих пор не оценена столичной критикой. Подобных примеров можно привести множество.

Мнение о «второстепенности» периферийных научных работ весьма живуче, а между тем в них нередко разрабатываются вопросы, вообще нигде не освещенные раньше, — вопросы, решаемые на местном материале. Насколько я могу судить, среди руководителей кафедр социально-экономических дисциплин в московских вузах и в научно-

исследовательских институтах Академии наук СССР (туда часто обращаются наши товарищи) распространена и довольно крепко держится такая точка зрения: местные темы уводят ученых в сторону от разработки крупных, проблемных вопросов. Позволю себе с этим не согласиться.

Экономист, анализирующий и обобщающий экономические процессы, происходящие сегодня в промышленности или сельском хозяйстве области, юрист, строящий свое исследование на материале местных судов, служат своей науке великую службу, ибо без накопления и осмысления конкретных фактов, взятых из живого опыта нашего строительства, невозможно дальнейшее развитие теории. Слов нет, иной раз под флагом местной темы сочиняются работы, где предпринята, колхозы области используются лишь для фона, для механической иллюстрации заранее взятого тезиса. Но ведь это — не научное исследование, а компиляторство чужестранной воды. Так в подобном «трудом» и следует относиться. Но при этом надо помнить, что решение, быть может, самых острых проблем общественных наук лежит на путях проникновения, всестороннего исследования того, что В. И. Ленин называл «местным опытом». Между прочим представители точных, естественных наук из этого и исходят. Может, скажем, ученый нашего университета, геолог М. С. Точилин написать интересную работу о ледниках железных руд и защитить ее как докторскую диссертацию. Но даже попытки студентов-гуманитариев писать дипломные работы на местном материале неизменно встречаются иронически.

А ведь кому, как не историкам Воронежца, Липецка, Тамбова, Орла, Курска, разработать проблему, например, о южных рубежах Московского государства XIV—XVII веков, проблему весьма интересную и в настоящее время довольно туманную? Кому, как не литературоведам этих городов, заняться вопросами фольклора, централизованной культуры? А события 1917 года и гражданская война на местах, сложные перипетии классовой борьбы в первые годы советской власти, в период коллективизации? Да мало ли подобных вопросов могут решить ученые периферии!

Лишь в такой работе можно рассчитывать на успешное решение самой острой, самой больной, на мой взгляд, проблемы — проблемы дальнейшего научного роста кадров, работающих на периферии.

В 1918 году в Воронеж была переведена русская часть Дерптского университета, на базе которой и возник наш университет. Вместе с 800 студентами в город прибыли 39 профессоров. Теперь же на 4600 студентов у нас имеется всего 25 профессоров и из них лишь 4 — по гуманитарным наукам (на 1700 студентов). На всех кафедрах социально-экономического цикла нашего университета — один профессор, в Ростовском, Молотовском университетах, в Азово-Черноморском сельскохозяйственном и многих других периферийных институтах гуманитарных кафедр возглавлялись доцентами — кандидатами наук. Многие из них молодые и сами признают, что не вполне еще подготовлены для такой ответственной работы.

Именно в недостаточном опыте руководителей кафедр и рядовых преподавателей, в том, что знания, которые они со временем приобретают, далеко не всегда ложатся на крепкий фундамент, что перед студентами нередко выступают люди без своего научного лица, без своих вышесловенных мыслей, люди, поначалу невысокой культуры, а то и просто невежды, — именно здесь коренится основная причина низкого уровня научно-творческой работы многих гуманитарных кафедр периферийных вузов. Научной молодежи сплошь да рядом не у кого обучаться настоящей культуре научного труда, и это сказывается самым печальным образом, когда вчерашний студент поднимается на вузовскую кафедру. И не ставлю своей целью объяснить все причины такого положения, могу только добавить, что, к примеру, обеспечение наших ученых-гуманитариев научной информацией, новинками иностранной литературы, микрофильмами и по силу порою ведется из рук вон плохо. (На мой взгляд, — это одна из существующих причин, по которым крупные специалисты не решаются покинуть Москву или Ленинград, когда мы их приглашаем.) Отсутствие реферативного журнала по гуманитарным наукам, постоянного и регулярного общения ученых, отсутствие координации действий неизбежно ведет к дублированию одних работ, замалчиванию других, необоснованному возвышению третьих.

Вряд ли стоит подробно говорить, как важно, как насущно необходимо для ученого, работающего на периферии, общение со столичными коллегами, систематический и живой обмен мнениями. К сожалению, вполне оправдавшая себя в прошлом практика временного обмена лекторами между университетами не развивается. Но это не единственный путь. Очень полезным может оказаться совместная разработка ученых столицы и периферии наиболее актуальных проблем, привлечение наших товарищей к написанию учебников, пособий.

Следует сказать и о такой форме работы, как теоретические конференции. В технических науках существует хорошая традиция — выезд крупных ученых на периферию, межобластные и республиканские конференции ученых по различным проблемам. В гуманитарных же науках этого нет. А ведь историкам, филологам, философам есть о чем поговорить, поспорить, что обсудить! Такие конференции не только позволяют наладить творческое общение между учеными, которое теперь почти совершенно отсутствует, но и помогут многим потерявшим «свой голос», «свое лицо» вновь приобрести их.

100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИНДИЙСКИЙ ПАТРИОТ-ДЕМОКРАТ БАЛГАНГАДХАР ТИЛАК

23 июля исполнилось сто лет со дня рождения Балгангадхара Тилака — видного деятеля национально-освободительного движения Индии, публициста и ученого.

Балгангадхар Тилак родился в семье, принадлежавшей к роду маратхских брахманов Читтавана, к тому времени обедневшему. Тилак получил высшее гуманитарное образование.

В восьмидесятых годах прошлого века начинается общественно-политическая деятельность Тилака. Вместе со своими друзьями он организовал среднюю школу, колледж университетского типа и Деканское просветительное общество. Исключительно большое значение в жизни Махатматилка — родине Тилака — имели основанные им и его соратниками периодические издания: еженедельник «Махатма» на английском языке и газета «Кесари» на языке маратхи, в которых печатались патристические статьи Тилака. Возникновение в Индии прессы на национальных языках отразило процесс консолидации отдельных народов этой большой страны, стремление политических деятелей сблизиться с народом, говорить с ним на понятном ему языке. Журнал «Махатма», газета «Кесари» и просветительские организации сыграли важную роль в воспитании патристических чувств народных масс.

В 1885 году был основан Индийский национальный конгресс. Тилак принимает активное участие в деятельности этой организации, а также патристического общества «Сарваджанни сабха». Он выступает сторонником решительной борьбы против английского господства в Индии.

В конце XIX века в обстановке усилившегося недовольства и возмущения в стране английским колониальным режимом Тилак выступал в печати и устно с призывами активно противодействовать политике английских колониаторов. В 1897 году Тилак был арестован и в тюрьме на 18-месячном тюремном заключении. Эти действия колониальных властей вызвали широкий протест в стране и за ее пределами. В результате Тилак был досрочно освобожден из тюрьмы.

В годы подъема национально-освободительного движения (1905—1908) быстро росли популярность и влияние демократических элементов, которые наиболее полно выражали потребности независимого развития страны. В эти годы Тилак становится признанным вождем демократического направления освободительного движения Индии.

На очередном съезде Национального конгресса в декабре 1907 года произошел раскол. Сторонники Тилака, настаивавшие на расширении борьбы и выступавшие за развертывание массового движения, были изгнаны из Национального конгресса. Тилак считал, что совершившийся раскол ослабил национальное движение и выразил сожаление по этому поводу. «...В 1907 году произошло столкновение, — пишет Джанагхарал Перу в своей книге «Старый Индия», — внешне закончившееся победой старых, умеренных элементов. Но эта победа была одержана только с помощью организационного аппарата и ввиду ограниченного в те времена состава участников Конгресса. Не подлежало сомнению, что огромное большинство политически сознательных людей в Индии поддерживали Тилака и его группу».

В 1908 году колониальные власти бросили Тилака в тюрьму, обвинив его в подготовке испорченности существующей власти. На суде Тилак с гордостью заявил, что с первых дней своей деятельности он неизменно защищал дело народа. Суд приговорил Тилака к шести годам каторжных работ. В ответ на этот приговор в Бомбее прокатилась волна демонстраций протеста. Бомбейский пролетариат объявил всеобщую политическую стачку, длившуюся шесть дней. Тилак в числе лет в приговоре, требуя освобождения Тилака. Выступлением происходили и в других городах.

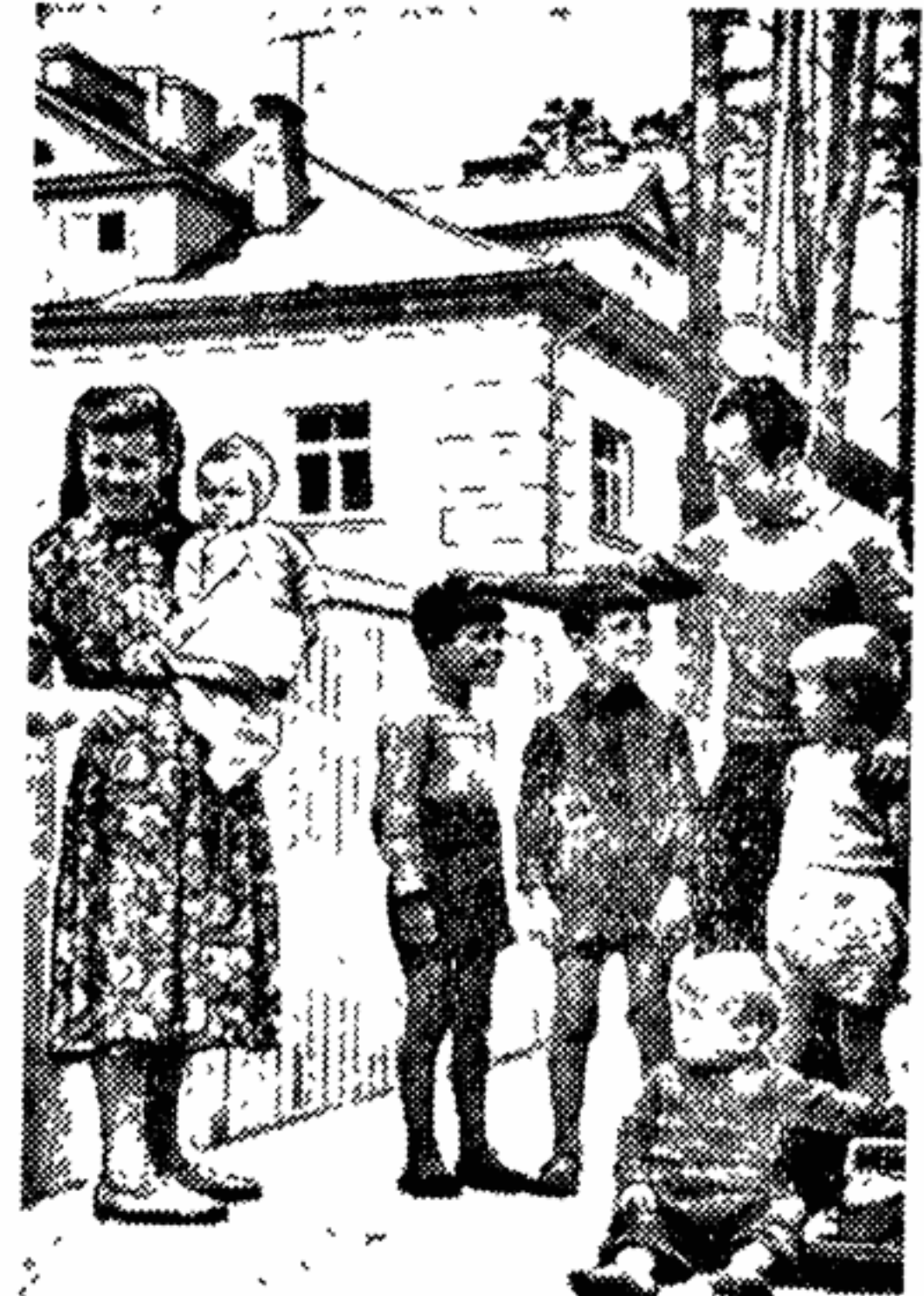
Тилак был не только крупнейшим общественно-политическим деятелем, но и замечательным мыслителем и ученым. Его перу принадлежат ряд научных работ в области философии мысли древней Индии. Всемирной известностью пользуется книга Тилака, посвященная проблеме исторической давности Вед.

Столетие со дня рождения Тилака отмечает независимая Индия, освободившаяся от английского колониального господства, великая Индия, какой ее хотел видеть Тилак и за которую он боролся. Отмечают эту знаменательную дату и все друзья Индии.

Л. ГАМАЮНОВ

Джованни Мелиоре и его семья

Рано утром рыбаки артели «9 мая» готовятся к выходу в море. На палубе судна «РБ-2019» разбегается трап невысокого черноволосый человек в голубом свитере. Его окликнули с соседнего катера по имени — оно звучит необычно на латвийском берегу.

— Здравствуй, Джованни! И человек приветливо машет рукой. Итальянский рыбак Джованни Мелиоре во время второй мировой войны был отправлен на принудительные работы в Гамбург, затем в Ганновер и в Бремен. Там неожиданно пришла к молодому Джованни любовь. Он женился на советской гражданке Ирине Никифоровой, уроженке Латвии, наильственно угнанной гитлеровцами. После войны молодая жена решила уехать на родину Ирины. Этому воспрепятствовали американские власти — супруги смогли вернуться лишь на родину мужа, в Италию.

Потянулись годы, полные лишений, суровой борьбы за кусок хлеба. Долго Джованни обивал пороги различных учреждений, пока получил разрешение выехать в Советский Союз.

Джованни сразу получил в СССР работу на торфоразработке. Но ему хотелось вернуться на море, к привычному труду рыбака. Вскоре правление колхоза «9 мая», узнав о желании Мелиоре, предложило ему поступить в артель. Ему предоставили квартиру, обставили ее мебелью, выдали денежный аванс.

Я был на днях в гостях у Джованни. Мы сидели в светлой комнате, за окном которой шумел основной бор. Здесь, в артели для рыбаков, строит дома городское жилищно-коммунальное хозяйство. На стене висела фотография, изображающая былое жилище Джованни в Италии — сложное из больших камней, с дырами вместо окон; за эту «квартиру» ему приходилось платить три тысячи лир в месяц.

Конечно, страшнее всего приходилось в дни безработицы. Однажды Джованни, доведенный до отчаяния безработицей, ударил издававшегося над ним чиновника биржи труда и на три месяца угодил в тюрьму. Много таких горьких воспоминаний у Мелиоре. К

Печать зажиточности лежит на этом поселке. По дороге мчатся мотоциклы, «Лифе», «Москвичи» — легкие машины рыбаков. Над домами телевизионные антенны. И семья Мелиоре мечтает о покупке телевизора. Да, теперь у Джованни есть все — работа, квартира, хорошие друзья. — Как только мы приехали, сразу почувствовали себя дома, — говорит он. Печать зажиточности лежит на этом поселке. По дороге мчатся мотоциклы, «Лифе», «Москвичи» — легкие машины рыбаков. Над домами телевизионные антенны. И семья Мелиоре мечтает о покупке телевизора. Да, теперь у Джованни есть все — работа, квартира, хорошие друзья. — Как только мы приехали, сразу почувствовали себя дома, — говорит он. Печать зажиточности лежит на этом поселке. По дороге мчатся мотоциклы, «Лифе», «Москвичи» — легкие машины рыбаков. Над домами телевизионные антенны. И семья Мелиоре мечтает о покупке телевизора. Да, теперь у Джованни есть все — работа, квартира, хорошие друзья. — Как только мы приехали, сразу почувствовали себя дома, — говорит он.

Р. ТРОФИМОВ, корреспондент «Литературной газеты»

Здесь встречались великие поэты

Около ста тридцати лет назад в Москве встретились А. Пушкин и А. Мицкевич. Встреча эта произошла в доме № 6 на улице, носившей ныне имя Немировича-Данченко. Здесь в прошлую субботу была установлена мемориальная доска — горельеф. Польский скульптор М. Мильгер изобразил обоих поэтов в полный рост. На верхней части доски — надпись о том, что в этом доме в 1829 году встречались великие поэты. Под ней стихи Пушкина о Мицкевиче:

«Он говорил о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, В великую семью соединятся».

А затем на польском языке воспроизведены слова Мицкевича о его встрече с Пушкиным. На открытие горельефа прибыли Чрезвычайный и Полномочный Посол Польской Народной Республики в СССР Вавлаз Левковский и сотрудники посольства.

По поручению Министерства культуры СССР, исполкома Моссовета, Союза писателей СССР и Советского комитета защиты мира митинг открыл К. Ушаков. Выступили поэты Е. Долматовский и С. Кирсанов, польский посол В. Левковский.

На родине Ивана Франко

Франко. Осматривают памятник писателю, установленный в центре села, дуб, под которым он отдыхал и творил, знакомятся с мемориальным музеем Ивана Франко. Нагущичи переименовано в село имени Ивана Франко. Независимо изменилось оно за годы после воссоединения Западной Украины в единое Украинское советское государство. Крестьяне села Нагущичи объединились в колхоз и назвали его именем своего земляка — писателя-патриота. На снимке: экскурсанты у дуба Ивана Франко. Текст и фото Г. Любинского

«МОЙ ШТАТ»

машин. Вы увидите: на мягких подушках автомобилей сидят, а чаши лежат шоферы. Они спят, подложив кепку под щеку, другие читают, третьи беседуют с коллегами.

Илья ЗВЕРЕВ

«Хозяин не велел отлучаться». «Мне в восемь ехать на базар с хозяйской тещей». «К вам зайдет мой человек». «Пришлите вашу Надю».

Это не цитаты из пьес Островского. Это слышимый порой на заводах и стройках, в учреждениях и институтах. Так иногда говорят люди, состоящие на государственной службе, о других людях, тоже состоящих на государственной службе.

Что это — языковой атавизм или просто неучащенное сказанное фразы? Да нет, дело тут посерьезнее. Достойны и размышлений и большого разговора характер взаимоотношений некоторых наших товарищей — начальников и подчиненных.

Начать надо с мелочей, отвратительных, но — увы! — привычных. Кому не знакома такая картина. Инженер, вызванный в кабинет директора, полчаса стоит «свечой» перед его столом. Сестра не приглашает, может быть, хозяйка кабинета просто невоспитанный человек и не догадывается это сделать? Нет, постороннему посетителю любезно предлагается стул. А инженер — свой, подчиненный...

Начальник угольного комбината, разговаривая по телефону с руководителем подведомственных предприятий, каждому из них говорит «ты». Может быть, по дружбе? Отнюдь нет. Он бы удивился и оскорбился, если б встретил взаимную фамильярность...

Вот что пишет в редакцию тов. И. Мушкетер:

«У нас в строительном управлении есть бригады каменщиков тов. Х., молодой человек, прекрасный работник. Бригада его выполняет по две нормы. Но стоит с этим человеком поговорить нетактично, грубо, и у него все начинает валиться из рук».

Это понятно: в наших людях воспитано чувство большого человеческого достоинства. Кажется, «мелочь», но наши рабочие и служащие очень чувствительны к таким «мелочам», например, если с ними не здороваются...

Это, так сказать, внешние проявления. Но за ними стоит прочно сложившаяся у некоторых людей убежденность в неравенстве начальника и подчиненного. Чаше всего под нее подпадают и «теоретический фундамент»: так, мол, необходимо — не форсировать, а только для пользы дела: чтоб чувствовали дистанцию! И вот постепенно начальнику начинает казаться, что его подчиненные и на самом деле его люди, которых он волен судить и миловать. Отсюда и начинаются иногда жесткий произвол, забвение элементарных законов нашей морали, равно обязательных и для рядовых и для ответственных работников.

Нарядные сузы и профсоюзные организации рассматривают тысячи дел о незаконном увольнении. Некоторые руководители без каких-либо оснований увольняют или «перевоспитывают на низовку» работников только потому, что они неудобны им. Они из потерпевших молчат, повинуясь старинному северному правду — «сильным не борись», другие — поддают в суд и возвращаются на работу, получив вознаграждение за вынужденный прогул (чаще всего — за государственный счет, куда режет — из директорского кармана).

В. И. Ленин требовал больше внимания «к той будничной стороне внутри-фабричной, внутридеревенской, внутриподпольной жизни, где всего больше строится новое, где нужно всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного...». Вот именно: огласка, общественная критика, травля негодного, чуждо нам! Ведь далеко не все случаи административной расправы с неудобными работниками выносятся на суд общественности, служат предметом разговора на партийном или профсоюзном собрании, выкут наказанные виновных.

Недавно мне пришлось побывать на собрании рабочих — строителей шахты (Западная Украина).

Строители «всем миром навалились» на своего руководителя — начальника строй-

управления Фомина, грубияна и самоуправца. Тут при всем народе ему напомнили много: и «не рассуждай — выйдй вон из кабинета», и «не хочешь работать у меня — увольняйся», и «мое слово — закон», «мой штат»... Неважно выглядел здесь, на рабочем собрании, всегда громогласный и самоуверенный начальник...

Все начинается обычно с «невинных» проявлений барства, на которые мы часто и внимания не обращаем.

Несколько лет назад был освобожден от должности и направлен в Москву на учебно-научные курсы железнодорожных генералов. Он начал свою «студенческую жизнь» в персональном вагоне-вагоне, в котором прибыл в Москву, сопровождаемый помощником — инженером-капитаном и двумя проводниками (кухаркой и уборщицей). Я спросил его: как он — в недавнем прошлом рабочий человек, паровозный машинист — мог решиться на такое? Генерал пожал плечами: «А что? Раз положено...».

Давний этот случай, конечно, исключительный. Но вот такая бездумная уверенность («мой люди, мне положено») встречается и сейчас отнюдь не редко.

Конечно, без и без от существования тех или других должностей, и чистой демагогии было бы требование уважения вообще секретарей, шоферов, персональных машин, помощников, консультантов, референтов и т. д. Беда в другом — в неправильном понимании некоторыми руководителями своих прав. Надо точно определить нужды для дела круг обязанностей каждого работника, надо всегда свято уважать его достоинство — вот о чем идет речь.

Секретарь директора вовсе не обязан выполнять поручения директорской сурпы. Шофер фабрики вовсе не обязан возить своего начальника на рыбалку, фотолаборант не должен проявлять и печатать снимки для семейного альбома своего заведующего, а радиотехник — чинить телевизор у знакомых начальства.

Если сам начальник «не догадывается», что личный телевизор он, как и любой другой гражданин, должен чинить в артели; что проявлять фотошутку он должен сам или с помощью фотоартели, принимающей подобные заказы; что на рыбалку можно поехать на электричке или в такси (если уж он так любит быструю езду), — то ему надо об этом напомнить.

Владимир Ильич Ленин показывал пример истинной личной скромности. В воспоминаниях его близких, рассказах людей, работавших помощниками Ильича, чувствуется восхищение простотой, неунынием и желанием Ленина пользоваться чужим бы то ни было услугами, в чем бы то ни было, кроме дела.

Ильич ездил на заводы без свиты. А посмотрите, как приезжает на заводские предприятия иной начальник Главка. Целевые работники по многолюдности свиты определяют ранг гостя. А разве не легче выкинуть в дела, поговорить по душам с людьми без «спарной свиты»?

Ильич сам писал свои доклады и статьи. А сегодня иной директор или управляющий трестом полагает зазорным для себя такое занятие. Он это поручает людям, состоящим «при нем».

На XX съезде КПСС весьма резко говорилось о «персональных» машинах, полученных хвостом широко распространенные. Правительство приняло специальное постановление, ограничивающее этот род автотранспорта, столь обременительный для государства.

И дело тут не только в «персональных» машинах, но и в «персональных» шоферах. Проходите и сегодня в вагон трудового дня по большому столичному городу, загляните в межминистерские тупики и закоулки, где разрешена стоянка авто-

— Наши полубезработные.

К сожалению, это определение точно (не в смысле окая — окая идет полный, а в смысле работы). Разок съездит такой шофер с «хозяином» — отвесит его в министерство, разок съездит с его супругой в «ателье мод», потом привезет домой — вот и весь рабочий день.

К сожалению, — и об этом надо говорить сейчас — в некоторых учреждениях управление «персональных» машин вылилось в мероприятие чисто формальное. Машина, считавшаяся прежде закрепленной за Петром Ивановичем, теперь называется «разгонной», «дежурной», «оперативной», но ездит на ней все тот же Петр Иванович...

Хорошо, что сейчас число «персональных» шоферов сокращается. Но это еще не значит, что вопрос о «персональных» работниках вообще может быть снят с повестки дня. Напротив, сегодня стоит повнимательней приглядеться: не слишком ли много у нас секретарш, помощников, референтов и т. п.

Очень любят некоторые ответственные работники иметь свой, так сказать, личный штат. Ради этого подчас идут на прямой обмен, на подлог.

В Туле мне рассказали весьма любопытные вещи. Управление трамвая города Тулы незаконно содержит для своего начальника тов. Скаригина «персонального» шофера, который по ведомости числится слесарем. Артель «Детский вездесид», не желая отставать от «больших», обязалась секретарем-машинисткой, которую председатель тов. Соломатин принял на штатную должность браковщицы.

Расширение прав директоров — одно из важных и прогрессивных мероприятий последнего времени. Но думать, что с этим, естественно, должно быть связано и расширение прав коллектива, его общественных организаций. Ответственность должна быть на пользу работников, а не на пользу их руководителей.

Новотурский металлургический завод (директор тов. Грицун) прежде превосходно обходился без четырех дополнительных секретарш. А эва расширил права — попросил именно четырех, словно нет у завода более острого производственных потребностей. Московский завод малолитражных автомобилей, где директором тов. Иванов, пожелал иметь вместо семи секретарш-машинисток восемь, вместо четырех секретарей дирекции — пять, вместо одного помощника директора — двоих.

Важно и плодотворно труд секретаря, но только там, где он нужен. А сколько у нас, так сказать, «декабровских» секретарш, учрежденных потому, что главному инженеру не хочется отстать от директора, а начальникам отделов — от главного инженера. Сколько таких штатных и сверхштатных девиц скачуют в приемных, беседуют по телефону с подружками, читают, вывешивают по половым липам стола.

Суммы, которые тратятся на содержание таких, по сути бесполезных людей, велики. Но главный, самый тяжелый ущерб, наносимый практикой персонального закрепления работников и начальническим самоуправством, — не материальный, а моральный. Именно безкасаемость отдельных самодуров создала у многих рядовых людей неуверенность в своих силах, в незалежности своих прав.

Ворьба за широкое развитие ленинских демократических принципов невозможна без активного участия всей общественности. Только всеобщая непримиримость к нарушениям демократических норм нашей советской жизни принесет нужные результаты. Мы должны выступать против этих нарушений в большом и малом, выступать по-ленински: с оглаской, общественной критикой, травлей негодного.

Река Ангара. Здесь будет Братская гидроэлектростанция. Фото М. Калининана

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДАЕТ РАЗГОВОР

Перед нами письмо тов. Сафоновой (Москва). «Куда пойти после работы в свободные 2—3 часа? — спрашивает она. — Куда пойти с сыном, с дочерью или с мужем? Думается, что таким местом должен стать клуб».

Почему же в наши клубы молодежь ходит лишь посмотреть кинофильм да потанцевать? Почему редко бывают в клубах пожилые люди, а еще реже ходит целой семьей? Все эти вопросы резонно задают читатели, откликнувшиеся на статью Н. Четуновой «Что такое клуб?», опубликованную в «Литературной газете» 5 июня 1956 года.

Большинство читателей, приславших письма на эту тему, решительно поддерживают предложение автора статьи: нужно сделать так, чтобы клубы стали подлинно самостоятельными общественными организациями.

«Хозяевами клуба должны быть рабочие, колхозники, интеллигенция», — пишет А. Дорощев (Новосибирск). «Клубы нам нужны! Но нужны они не как коммерческие учреждения, а как боевые очаги передовой социалистической культуры, как средоточие общественной мысли, коллективного мнения, школы гражданственности».

В нашей стране 127 тысяч клубов и домов культуры. Они призваны стать подлинными опорными базами партийных организаций в массово-политической и культурно-просветительской работе.

Какую увлекательную, кипучую, полезную и интересную работу можно здесь проводить? «Творческую жизнь в клубе», — замечает В. Рославль (Ярославль). «Может создать лишь организационная при нем и заинтересованная в нем широкая общественность. Странно было бы опасаться каких-либо искривлений при общественном руководстве, когда советский строй настолько укоренился, что нет хоть сколько-нибудь развитого человека, у которого этого строя. Эта жизнь на социалистических началах не вошла бы в душу, в сознание. Напротив, в клубе, где нет такого общественного хозяина, где культурно-просветительскими учреждениями руководят не те, для кого они созданы, — там и происходит превращение клуба в захудалый кинотеатр или безудержную танцальню...».

Н. Шибанов (Камыши), А. Нехороший (Иванов Тагил), Ф. Перин (ст. Маймак, Киргизская ССР) и многие другие решительно протестуют против коммерческого духа, который еще силен в наших клубах.

«Нам кажется», — пишет П. Ковалев (Алма-Ата), — что пора перестать смотреть на клубы как на коммерческие предприятия, надо дать возможность рабочим и служащим самим строить планы культурно-просветительской работы, с учетом их запросов и, самое главное, с максимальным участием их во всей работе клуба».

Авторы писем высказывают конкретные предложения, направленные на оживление клубной работы. Так, К. Фуряев (Вологда) считает, что пора сельские учреждения культуры передать на баланс колхозов.

«Что такое клуб?»

Г. Черник (Виннигено, Читинская обл.), А. Косов (ст. Ржанца, Брянская обл.) предлагают пересмотреть устав и структуру клуба. «Нужно передать дело отдачи граждан в руки самих граждан», — замечает Г. Черник. А. Косов пишет: «Устав должен исходить из того, что клуб — общественная организация, в которой вся работа строится на самостоятельности широкой массовой. Многие читатели считают необходимым ввести членство в клубы. Это поможет организовать клубную работу на более демократических началах».

Не все читатели откликнулись на статью «Что такое клуб?», разделяют точку зрения ее автора. Наибольшее возражение вызывает та часть статьи, где говорится о том, что следует упразднить штатную должность заведующего клубом, а все руководство клубом передать в руки правления. Так, К. Воронов (Молдавская ССР) считает, что в главе клуба непременно должен стоять заведующий. Ему помогут совет клуба, актив, на которых он и должен опираться.

«Если актива нет, то заведующий успешно проводить работу не может», — продолжает К. Воронов. — Следовательно, вина за плохую работу клубов лежит не на заведующем, а на местной интеллигенции, партийной и комсомольской организациях, которые должны считать культурно-просветительскую работу своим кровным делом».

По мнению М. Сыркиной (Ленинград), аннулирование «штатную единицу» нельзя: «Я согласна с тем, что заведующий не должен сновывать инициативу масс: без народа он ничего не сделает. Но, несомненно, заведующий с образованием, а тем более со специальным, лучше, чем любой другой. Тов. Четунова пишет, что в некоторых клубах работают люди без образования, но с душой. А почему же не может работать так же хорошо и заведующий со специальным образованием? В этом году я кончу культпросветшколу и не думаю, что буду в клубе только «штатной единицей»».

П. Бронюцкий (Куйбышевская обл.) справедливо полагает, что во главе правления клуба должен стоять политически грамотный человек, знакомый с искусством, хорошо разбирающийся в художественной самостоятельности. В связи с этим заслуживает внимания предложение многих читателей увеличить ставку заведующему клубом.

Недавно состоялся пятый пленум ВПСИП, на котором и докладчик секретаря ВПСИП П. Коробова и многие из выступавших в прениях признали, что «Положение о работе профсоюзных клубов» устарело, что его следует пересмотреть».

Выступая на заседании коллегии Министерства культуры СССР, министр Н. Михайлов отметил, что хозяином клуба должен быть совет или правление, работу которых должны обсуждать на общих собраниях трудящихся. Назрела необходимость подумать о членстве в клубах.

Надо полагать, что это скоро будет осуществлено. Наши клубы должны стать подлинно общественными организациями. Значительной перестройки клубного дела, дальнейшей его демократизации требует сама жизнь.

ОБЛИК ПОЭТА-ДЕКАБРИСТА

Бывает так, что подлинное творческое и гражданское лицо писателя остается долгое время нераскрытым вполне. Более того, иногда пишут биографии, основанные на неверных или ложно истолкованных фактах. Это было на протяжении почти целого столетия в литературе о выдающемся поэте-декабристе Кондратии Федоровиче Рылеве.

Завтра исполняется 130 лет со дня жизни декабристов. Советские исследователи немало сделали, чтобы снять — как второй слой краски со старой ценнейшей картины — всю позднейшую «записку» с истинного облика поэта-гражданина, опровергнув все домыслы о «штатных» Рылеве, его «измене» делу декабристов и т. д. Этому помогли те документы, которые сохранились во многих наших архивах.

За последние два года стало известно очень много интересного о Рылеве. Поэт-романтик, умнейший и образованнейший человек своего времени, пламенный трибуна и один из руководителей революционного движения декабристов — все эти черты Рылеве полнее и глубже раскрываются в тех новых публикациях, которые есть в «декабристском» альманахе девятом — томе «Литературного наследства».

Здесь опубликована первая редакция предисловия, написанного самим поэтом к отдельному изданию его «Дум». В этом предисловии в печати тогда не появилось, ибо самой неприкрытой ненавистью к «стирам» и «декабристам» дышат его строки. Среди новых текстов Рылева мы можем познаться и с первыми — дошедшими — вариантами многих его дум, где революционная их направленность выступает в незауваженном виде.

Интересно сообщение о неосуществленном замысле Рылеве — он хотел написать историческую трагедию «Хмельницкий». До нас дошло только начало — пролог к этой трагедии, написанный прекрасным, простым и выразительным языком. Материалы незаданной переписки К. Рылева и воспоминания о нем проливают новый свет на некоторые эпизоды его жизни.

«Рылев на следствии» — в этом большом разделе публикуется запись ответов поэта на вопросы следователя, показания свидетелей. Впервые представленные вниманию широкой научной общественности документы много добавляют к сложившемуся представлению о Рылеве как главе Тайного общества декабристов. Видно также, насколько популярны были революционные стихи его в народе, — это было одним из главных пунктов обвинения.

Документы «Литературного наследства», посвященные Рылеву, углубляют наше представление о декабристской литературе, помогут лучше изучить проблемы первого этапа революционного движения в России.

ПЕРВЫЙ ТОМ «РУССКО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО СЛОВАРЯ»

Институт литературы и языка имени Низами Академии наук Азербайджана выпустил первую книгу двутомного «Русско-азербайджанского словаря». Он содержит 38 тысяч слов. Все издание рассчитано на 80—85 тысяч слов.

Словарь представляет собой результат многолетней работы коллектива азербайджанских ученых-языковедов.

Эстетическая чуткость и острота анализа

Быть может, слабые стороны, недостатки и пятна нашего литературоведения в одной области не сказались с такой рельефностью, как в вопросе о Достоевском. В военные годы произведения великого писателя нередко получали одностороннее и неверное истолкование. Конечно, многие образы Достоевского с трагической силой передают невинность существования под игом эксплуатации, стремление русских людей к иной, справедливой жизни. Но ряд высказываний автора «Дневника писателя» о России носит националистический характер. Между тем они «репродуцировались» таким образом, что их реакционные тенденции оказывались затупившими.

Зато позднее — в этом проявились и последствия культа личности в области идеологии — под влиянием некоторых «уставов», поверженных к тому же рынком «заострению», стали вовсе зачеркиваться демократические, гуманистические стороны творчества автора «Бедных людей».

Позтому в дни, когда наша страна и весь мир чтит память Достоевского, задача научного освещения его творчества приобретает важное и актуальное значение. Среди последних работ о Достоевском особое место занимает книга В. Ермалова, в которой проблема Достоевского поставлена наиболее широко и обобщенно. Автор сумел исправить в ней ошибки, допущенные в свое время нашей литературной наукой и, в частности, им самим.

Одна из ценных и отличительных особенностей работ В. Ермалова заключается в том, что, говоря о современном писателе и о классике XIX века, автор вызывает

у читателя живое эстетическое переживание. Художественные образы прошлого выступают здесь как нечто, проливающее свет на современность.

Герцен в одном письме к сыну писал о классических художественных творениях, о тех «нескольких книгах, без которых человек не есть полный человек»: «Чтец человек переживает века, не так, как в науке, где он берет последний оцифрованный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбываясь с дороги».

Конечно, литературовед или критик не вправе быть только таким «попутчиком» художника. Но очень хорошо, если анализ произведения и его эстетическое переживание вместе с читателем и ярко выразит словом эти свои чувства, верно направляя вместе с тем критическую мысль своей аудитории. Это и удается В. Ермалову, и этим, думается, он в первую очередь и завоевал внимание широких читательских кругов.

С этой точки зрения книга о Достоевском обладает серьезными достоинствами. В ней критик идет рука об руку с историком, литературоведом — с публицистом. Особенно хочется отметить — это не было в работе В. Ермалова о Гоголе — конкретность, с которой здесь обрисован исторический фон. Достигнуто это не путем нагромождения цифр, цитат и социологических формул, а благодаря тому, что автор создает живое, конкретно-историческое представление об эпохе и тех социальных типах и характерах, к которым прежде всего обращен художественный взор Достоевского.

В вводной главе В. Ермалов следующим образом характеризует человека, от имени которого говорил Достоевский: «Малень-

кий чиновник; захудалый дворянин, брошенный в капиталистический водоворот и терпящий все бедствия деклассации; разночинец, интеллигент и полунинтеллигент, оторванный от жизни народа, от передовой разночинной демократической интеллигенции и от того процесса трудовой выработки передовых общественных идеалов, ценю которого Россия, по словам Ленина, выстрадала марксизм; вчерашний «патриархальный» помещик, стоящий на грани люмпенства; человек, одиноко ютящийся в каморках, похожих на шкафы, или сулящий, или гроб, в сумрачных закоулках городских трубок, где «фонари мелькают, точно фонари на похоронах»...».

Правильно понимая общественные и идеологические истоки, пытавшие творчество писателя, В. Ермалов характеризует его социальную-политическую позицию, его двойственность, его величие и слабость.

Коренная тема творчества Достоевского — это тема распада старых, авторитарных социальных и моральных норм и скреп в переходную эпоху, страх перед буржуазным аморализмом и цинизмом, перед низменностью, звериным egoизмом буржуазного человека. Эта тема, неразрывно связанная с изображением кипения человеческих страстей в собственническом помещичье-буржуазном обществе, под властью денег, и прослеживается в течение всего исследования. Особенно большое внимание уделено ей при рассмотрении «Зимних заметок о летних впечатлениях», «Преступления и наказания», «Идиота», «Подражания».

Однако особая трудность исследования творчества Достоевского заключается в том, что объективный смысл созданных им образов часто вступает в противоречие с тем субъективным их истолкованием, которое писатель предлагает своему читателю. На глазах у последнего происходит тогда странное смещение очертаний и красок. Негодование и возмущение Достоевского против буржуазности и барства как бы изменяют своему направлению. В иной тому — страх перед революцией и связанные с этим надежды на царизм и религию.

Но как эти тенденции влияют на сложную внутреннюю логику живых художественных образов? В. Ермалов остроумно определяет «секрет» этой противоречивости образов Достоевского, как «путаницу социальных адресов»: «Фактически

изображая различных помещиц и буржуазных моральных нигилистов, социальных оппонентов, Достоевский стремился, однако, представить их «нигилистами» в том политическом смысле, какой был придан этому слову в связи с образом тургеневского Базарова».

Автор рассматриваемой книги сумел показать, как реакционные тенденции превращались в живые художественные образы, изменяли их очертания, смещали пропорции, добавляли чужеродные примеси к художественным краскам. В главе, посвященной «Идиоту», — одной из лучших в книге, — раскрыто, как странно и противоречиво здесь сочетаются «два романа в одном романе», «из которых первый — истинно художественный, представляющий собой социальную трагедию», трагедию Настасьи Филипповны, а второй — «антихудожественный, фальшивый «антиинтеллектуальный» памфлет», в центре которого стоят Бурдоский, Ипполит и другие. «Их вторжение и переносило весь роман, искривило все его образы до неузнаваемости».

В разборе «Идиота» отчетливо проявляется то сочетание эмоциональности и аналитичности, которое характеризует собою стиль В. Ермалова. Наш автор увлеченно следит за развитием темы Настасьи Филипповны, как темы «красоты поруганной, вымышленной, оскверненной» эксплуататорским обществом, и он же умеет предостеречь читателя, когда писатель, рисуя Бурдоского и ему подобных, тяжело опускается и кидает непрерывный свет даже на одну из любимейших героинь своих.

Рассматривая образы, созданные Достоевским, В. Ермалов справился с поставленной задачей — проследить «противоречия творчества в неразрывной связи мировоззрения писателя с конкретной художественной тканью его произведений». Однако в этом анализе незначительную роль играет элемент сопоставлений художественных принципов д-стила Достоевского с методом и стилем других великих писателей, его современников. Поэтому некоторые определения оказываются неточными и порой, как мне кажется, и неверными, поскольку в них не получило достаточного отражения неповторимое своеобразие тех эстетических принципов, которые в творчестве Достоевского оказались осуществленными.

Так, например, вызывает возражения следующие замечания автора, касающиеся образа Настасьи Филипповны: «Художнику, вдохновленному живую любовью к прекрасной женщине, возникшей в его творческом воображении, удалось воплотить ее образ с той пластичностью, живостью, когда мы видим все жесты, походку, глаза, лоб, брови, улыбку, всю смену выражений лица восхитительной женщины, умницы, талантливой, изыщной, красивой и по внешнему и по внутреннему облику...».

Пластичность, то есть физическая законченность образа, дарящая внутреннюю жизнь через внешний облик, была характерной чертой творчества Толстого, Тургенева, Гончарова, которые, по словам А. М. Горького, «писали пластически». Но едва ли это можно сказать о Достоевском. Достаточно сопоставить Анну Каренину, героиню «Первой любви», Веру из «Обрыва» с женщинами Достоевского для того, чтобы усомниться в этом. Фигуры последних лишены такой ясной отчетливости и рельефности, да и сам их создатель подбодную цель едва ли преследовал. Когда всматриваешься в эти образы, то кажется, что луч художнического прозрения выхватывает из темноты, изрели лица какие-то отдельные черты человека. Не случайно в «Идиоте» не раз упоминается о «необыкновенной» красоте Настасьи Филипповны; пренебрегая законченностью портрета, писатель прежде всего стремится сказать о том, какое сложное, странное и притягательное чувство вызывает выражение этого лица, эти глаза.

Может показаться, что рецензент «спирается» здесь в чему-то второстепенном, всего лишь к безлому замечанию о «пластичности». Но пример этот должен подчеркнуть, как важно конкретное выделение художественных принципов, лежащих в основе создания писателем образа человека.

В. Ермалов не ставил своей задачей освещение всех произведений Достоевского, но он остановился на всех наиболее значительных из них. Однако если логика развития творчества Достоевского в 40—60-х годах прослежена отчетливо, то этого нельзя сказать о 70-х годах. Главы о «Бесах», «Подражании» и «Братьях Карамазовых» такой яркой внутренней связью не обладают, что же касается последнего

романа, то оценка его мне представляется по многим спорной. Наш автор причисляет «Братьев Карамазовых» вместе с «Записками из подполья» и «Бесами» к «наиболее тенденциозным произведениям Достоевского». Конечно, реакционная тенденция в «Братьях Карамазовых» очень сильна, но ведь здесь, в отличие от «Бесов», она под напором реализма терпит жестокие поражения, хотя в эпизоде вновь поднимает голову. Поэтому странно звучит определение этого романа как «церковнического», ибо церковническая тенденция не стала его сутью и доминантой. Сам же В. Ермалов рассматривает главу «Бунт» как «одно из неопровержимых свидетельств того, что ничем нельзя заглушить совесть человечества и — совесть русской литературы».

Между тем известная предвзятость по отношению к этому произведению ведет к принижению некоторых интересных персонажей его. Так, Грушенька трактуется всего лишь как «скупая, ловкая, бойкая мешаночка». При этом не принимается во внимание тот свойственный пореформенной эпохе рост чуждого личности, который по своему наложил отпечаток и на героиню «Братьев Карамазовых», что имеет немалое значение для понимания взаимоотношений «низкой» Грушеньки и «барышни» Катерины Ивановны.

Недооценивается также широта жизненного охвата этого романа, в значительной мере итоговая для Достоевского. В этой связи хочется отметить, что книга В. Ермалова, сумев передать богатство душевных движений, мыслей, характеров, типов и картин в творчестве Достоевского, обшла ряд образов, связанных с язвительной, злой критикой русского дворянского и буржуазного либерализма, — Степана Трофимовича, Ракитина, Фетюкочина.

Можно было бы еще многое сказать о сильных сторонах нового труда В. Ермалова, а также по некоторым вопросам спорить с ним. По выводам из сказанного выше ясно и так: эта книга помогает читать Достоевского сегодня, ценить скорбную жизненную правду и страстный протест его творчества и отделять их от всех тех элементов и наслоений, в которых выразилось подчинение писателя нормам и предрассудкам старого общества. Поэтому книга эта — действительный участник духовной жизни советских людей.

ТРИ дня, с 19 по 21 июля, работал расширенный президиум Союза писателей СССР.

В ПРЕЗИДИУМЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

БЫСТРЕЕ И ЛУЧШЕ ИЗДАВАТЬ ХОРОШИЕ КНИГИ!

И д у ш п р е н и я...

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ЦИФРЫ

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

КНИГУ ЗА КНИГОЙ!

Работой издательства должна руководить компетентная группа писателей, подчиненная руководству Союза. — Президиум Союза писателей, — сказал С. Кирсанов, — в прежнее время занимался, главным образом, штамповкой заранее подготовленных аппаратом решений, а сегодня, может быть, впервые, так глубоко подошел к самым насущным и наиболее важным вопросам организации нашего литературного дела. Мы уже утратили нормальное представление о сроках выхода книг. Когда книга вышла, то мне хочется писать еще и еще. А теперь тебе в издательстве говорят, что твою книгу выключат в план выпуска 1957 года. И оказывается, что это счастье! А мне хочется, чтобы моя книга была выпущена быстро. И так было. Вспомните Маяковского: «Меня ж печаль прошу летучим дождем брызнуть». Он приехал из Америки в 1925 году, а через несколько месяцев мы держали в руках его книгу «Мое открытие Америки». Вот как делалось! Почему мы не можем это делать сейчас?

НАШЕ ОБЩЕ ДЕЛО

Монополизм вкуса в издательском деле крайне вреден. К писателю предъявлялись нелепые, вольные требования. Опасность не в том, что писатели будто бы говорят ложь о жизни (эта ложь сразу видна), а в том, что у нас не об истинной правде жизни иной раз пишут с ложным лафосом. О прекрасном в стране, об изумительных новых людях стали говорить порой фальшиво. Разве не встречались у нас такие редакторы, которые требовали обязательного подвала все в влоб, чтобы молодой человек не просто сказал Маше: «Я тебя люблю», а обязательно: «Я тебя люблю, смотри, какие у нас замечательные перспективы», и спорить этим и перспективами и любовью! Это вопрос важный, требующий большого племени правления Союза писателей, пленума, направленного против серости, против нивелирования, за ленинские нормы в литературе и искусстве.

В ТЕСНОМ КОНТАКТЕ

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

Мы поворачиваемся еще медленно

— Сейчас, очевидно, нет в нашей стране ни одного трудового коллектива, который не обдумывал бы глубоко и всесторонне всю свою деятельность, который не искал бы напористо и страстно путей и средств для ее улучшения, — начал свой доклад главный редактор издательства «Советский писатель» Н. Лесючевский. — Люди свежими глазами смотрят на пройденный путь для того, чтобы яснее увидеть достигнутое, чтобы по-новому осознать недостатки и устранить их, для того, чтобы с беспощадной правдивостью отдать себе отчет в допущенных ошибках, которые больше не должны повторяться.

Не представляет исключения и коллектив работников издательства «Советский писатель». Очень многим наш коллектив не удовлетворен в своей работе. Назрела необходимость отказаться от ряда привычных представлений, смелее вводить новое.

Кое-что мы тут делаем, кое-какие шаги предпринимаем. Но надо прямо сказать, что делаем мы и поворачиваемся еще медленно. Медлит и наше непосредственное руководство — секретариат Союза писателей, от которого пока исходят преимущественно весьма расплывчатые благие пожелания.

Решения XX съезда КПСС и обстановка в стране после съезда должны вызвать резкий, этапного значения подъем нашей литературы, усиление ее боевостности. Признаки этого подъема мы ощущаем в творческой устремленности писателей, в кипении их мысли, в проявлении по-новому их душевных сил. Всечелски способствовать такому подъему — в этом смысле деятельность Союза писателей, всех его органов и, в частности, издательства «Советский писатель».

Издательство — один из решающих факторов воздействия на литературный процесс. Здесь, где решается судьба рукописи, где произведение приобретает тот окончательный вид, в котором оно появляется перед читателем, именно здесь в значительной степени осуществляется литературная политика, практически действуют идейные и художественные критерии.

Тяжелый путь рукописи

Многие из того, о чем говорил в своем докладе Н. Лесючевский, было затем затронуто и в докладе О. Черного, сообщившего о результатах проверки деятельности издательства общественной комиссией писателей. Но представители писательской общественности судят о недостатках гораздо более определенно и резко.

Один из московских прозаиков, отвечая на вопрос о том, как проходили его книги в издательстве, сказал: «Первопечатник Иван Федоров печатал книги быстрее, даже не у кого учиться». И ту долю истины, которая есть в этой шутке, докладчик подтвердил фактами, которые никак не могут вызвать веселья.

В среднем от 12 до 22 месяцев уходит на прохождение рукописей по всем этапам производства, из них лишь 20—25 процентов времени рукопись, условно говоря, находится в состоянии активного движения в редакции, а 75—80 процентов — в состоянии пассивного ожидания. Это серьезно замедляет процесс развития литературы — трудно сесть за новую работу, когда твоя рукопись перекочевывает из одной комнаты издательства в другую.

О. Черный говорит об утвердившейся в издательстве системе рецензирования, когда многочисленные отзывы служат не для выяснения истины, а для перестраховки, о парящем в этом важном деле формализме, о подвизающихся порой в качестве рецензентов недобросовестных и некомпетентных людях. «Дорогой друг, — обращался к автору, — согласны вы или нет с нашими замечаниями?». А часто это были взаимоисключающие друг друга замечания рецензентов. И автор, исходя даже не из малодушия, а просто из естественного желания выпустить книгу, говорил: «Я не совсем согласен, но в общем буду дорабатывать...». Издательство же приходило к отчаянному выводу, что с писателем проведена полезная работа.

Так произведения литературы довольно часто нивелировались и утрачивали своеобразие. Этот «принцип» вежливости, но ультимативного нажима на автора все еще действует. Книге оригинальной пробиваться труднее, чем книге посредственной, безликой. Но случайный главный редактор издательства смог привести лишь два примера издательской смелости, да и то касающиеся еще не вышедших книг.

Принцип — чем меньше выпускается произведений, тем выше их художественный уровень, их качество — полностью и особенно наглядно дискредитировал себя в кино. Этот принцип иногда действовал и в издательской практике, являясь одним из печальных заблуждений.

До сих пор издательство много боится, еще больше остерегается и смелость, как форму деятельности, не практикует. Разве мы не знаем случаев, когда в результате редакционной «обработки» произведения делались невыразительными, утрачивали остроту? А писатель, выйдя из редакции, остается один на один с читателем. Массовый читатель судит автора, не считаясь с тем, какой рецензент и какой редактор что рекомендовали и что требовали от писателя. Догматическая эстетика и поритивное мышление приводили к печальным анекдотам. Несколько лет назад один серьезный редактор, читая какой-то абзац в книге, касавшейся нашего отступления под Москвой, задумался и сказал автору: «А было ли это отступление? Надо будет выяснить».

Если говорить прямо, писатели в писательском издательстве чувствуют себя скорее простреленными, чем хвалеными. Вся издательская система построена таким образом, что писатель является лишь обременительным звеном в этой сложной цепи. Эта система сложилась в результате оборачивания редакционно-издательской деятельности.

Год назад писательская бригада обследовала «Советский писатель». У нее было материала не меньше, чем у нас. Выводы же совпадают. Тогда было принято решение, которое покочило по столу. «Не ждет ли нашу работу та же участь?» — возникает вопрос. Ответом на это может служить нечто, лежащее уже за пределами желания или нежелания издательских работников. Обстановка в нашей стране, утвердившаяся после XX съезда КПСС, с достаточной оптимистичностью свидетельствует, что так продолжаться не будет.

Сейчас отражение наших споров, нашей духовной жизни можно найти лишь в стенограммах, а не в критических отделах газетных журналов и «Литературной газете». Мы превратились в агитаторов, разговоры которых не шли дальше аудиторий на улице Воробьевской.

А. Сурков вносит на рассмотрение президиума предложения о реорганизации центрального аппарата управления Союза писателей.

Задачи у нас очень большие, закончил свой доклад А. Сурков. Обстановка для решения этих задач благоприятна. В писательской среде созрело все для того, чтобы вести большой и широкий разговор о судьбе литературы не только с оглядкой на прошлое, но и с заглядыванием в будущее.

В прениях по докладу А. Суркова приняли участие также П. Бровка, К. Симонов, В. Смирнов, С. Антонов, Г. Гайдовский, В. Сытин, А. Таливер, Б. Ромашов, Г. Штайн, В. Амаев.

— Я знаю редактор о в издательстве «Советский писатель», — говорил А. Бек. — В большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников. Изменяется от этой тяжелой болезни не только люди. Нужно время, чтобы создалась новая традиция. Чиновничьи отношения к рукописям не прекратились. Мне кажется нетерпимым, что есть стихи Б. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман. По мнению А. Бека, все, что не является чуждым нам, должно публиковаться. Мы сами, говорит он, будем критиковать ошибки и неудачи. Почему «Советский писатель» отклонил острый по содержанию роман Дудинцева? Если бы эта книга была идейно пороной, разве принял бы ее «Новый мир»? А. Бек подробно рассказывает о проекте создания нового писательского издательства. Это издательство будет соревноваться с «Советским писателем», а такое здоровое соревнование принесет пользу.

Выступивший после А. Бека К. Федин горячо поддержал идею создания нового писательского издательства. Наши творческие секции, говорил он, часто были пассивны, потому что их деятельность не получала практического выхода. Издательство игнорировало всякого рода отзывы и рекомендации секций. У писательской общественности возникало, естественно, чувство: «Мы рекомендовали, а кому это нужно? Все равно решать будут те же нас». Положение должно измениться, ибо проектируемое издательство будет тесно связано с творческими секциями Союза писателей.

— В «Советском писателе», — сказал Н. Чуковский, — замечательный коллектив. Но редакторы хорошие, а система не правильная. Неленным кажется, что сейчас, накануне коронации Октября, когда у нас уже столько лет существует всеобщее обучение, рукописи писателя правят, как школьные изложения. В итоге вышедшая в свет книга очень похожа на суп, в котором каждый полагался пальцы.

Такого рода редактирование не преследует никаких других целей, кроме охраны благополучия работников издательства. А страх, известно, на великие дела людей не вдохновляет. Идеал трусливого редактора известен: данную рукопись так напечатать, чтобы как бы не напечатать, или так не напечатать, чтобы как бы не напечатать.

Почему так дорого обходится издательству книга? Из-за колоссальных накладных расходов на рецензирование, из-за очень медленного выпуска книг!

Тов. Лесючевский в докладе предлагал сделать издательство более независимым от секретариата Союза писателей. Очень боюсь, что при нынешней системе работы в издательстве судьба рукописи будет полностью зависеть от редакционного аппарата. Это путь неверный,

— Я, как член редсовета издательства, — говорил Б. Галин, — отвечаю наравне с другими членами редсовета за все ошибки и промахи в работе издательства с писательской рукописью. Однако меньше член редсовета работает, меньше полновластен. Члены редсовета тоже превратились в штатных рецензентов. Если во главе издательства будет стоять авторитетный и полноправный правление, то надобность в редсовете вообще отпадает.

Серьезный недостаток в работе издательства — отсутствие организаторской работы по привлечению рукописей. Разве не обидно, что такие произведения, как повесть В. Некрасова «В родном городе»,

— Президиум Союза писателей принял развернутое постановление, в котором нашли отражение и выводы комиссии, внимательно изучившей положение дел в «Советском писателе», и те последние предложения, которые возникли в ходе обсуждения. Президиум отметил, что писательская общественность высказывает справедливое негодование сложившейся практикой работы издательства над рукописью. Особенно отстает издание произведений литераторов народов СССР. Единственное всесоюзное писательское издательство представляет собою читателю нашу многонациональную литературу в обедненном виде.

«Вся система совместной работы издательства с автором над рукописью», — говорится в постановлении, — должна носить подлинно творческий характер, должна быть подчинена главной задаче — выпуску литературных произведений высокого идейно-художественного качества, действенно помогающих духовному росту и созидательному труду советского народа.

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

Постановление намечает ряд практических мер, которые будут способствовать выполнению этой задачи, в том числе создание правления — органа коллективного руководства издательством «Советский писатель». Президиум СП поддержал предложения о создании издательства московских писателей «Современник», издательства художественной литературы в Белоруссия, а также об организации редакции новлюнок современной художественной литературы в Гослитиздате.

Прения, развернувшиеся после доклада А. Суркова, носили в общем довольно единодушный характер. Выступавшие говорили о том, что необходимо перестроить не только аппарат правления Союза писателей, но — и это главное — «перестроить» самую атмосферу в работе Союза (Г. Медвинский). Нужно сделать Союз писателей подлинно творческой организацией, а для этого необходимо шире привлекать к работе самих писателей (Н. Чуковский, С. Егенов). Нужно, чтобы президиум и под его руководством секретариата на деле стали руководителями всей жизни Союза писателей, чтобы в повестках заседаний секретариата ставились большие проблемные вопросы литературы (Б. Лавренко).

Президиум Союза писателей принял развернутое постановление, в котором нашли отражение и выводы комиссии, внимательно изучившей положение дел в «Советском писателе», и те последние предложения, которые возникли в ходе обсуждения. Президиум отметил, что писательская общественность высказывает справедливое негодование сложившейся практикой работы издательства над рукописью. Особенно отстает издание произведений литераторов народов СССР. Единственное всесоюзное писательское издательство представляет собою читателю нашу многонациональную литературу в обедненном виде.

«Вся система совместной работы издательства с автором над рукописью», — говорится в постановлении, — должна носить подлинно творческий характер, должна быть подчинена главной задаче — выпуску литературных произведений высокого идейно-художественного качества, действенно помогающих духовному росту и созидательному труду советского народа. Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

СОРЕВНОВАНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВ

— Я знаю редактор о в издательстве «Советский писатель», — говорил А. Бек. — В большинстве своем — это прекрасные люди: добрые, общительные, образованные, знающие то дело, которое они делают. Но одно из последних культов личности заключалось в том, что редакторы превращались порой в чиновников. Изменяется от этой тяжелой болезни не только люди. Нужно время, чтобы создалась новая традиция. Чиновничьи отношения к рукописям не прекратились. Мне кажется нетерпимым, что есть стихи Б. Пастернака, которые не издаются, что не увидел света его роман. По мнению А. Бека, все, что не является чуждым нам, должно публиковаться. Мы сами, говорит он, будем критиковать ошибки и неудачи. Почему «Советский писатель» отклонил острый по содержанию роман Дудинцева? Если бы эта книга была идейно пороной, разве принял бы ее «Новый мир»? А. Бек подробно рассказывает о проекте создания нового писательского издательства. Это издательство будет соревноваться с «Советским писателем», а такое здоровое соревнование принесет пользу.

УСТРАНИТЬ ВОЛОКИТУ

Возлованным было выступление А. Яшина. Он говорил о необходимости большого доверия к писателю, призвал консолидировать творческие силы писателей.

ВНИМАНИЕ ПИСАТЕЛЯМ ИЗ ОБЛАСТЕЙ

Галин, — отвечаю наравне с другими членами редсовета за все ошибки и промахи в работе издательства с писательской рукописью. Однако меньше член редсовета работает, меньше полновластен. Члены редсовета тоже превратились в штатных рецензентов. Если во главе издательства будет стоять авторитетный и полноправный правление, то надобность в редсовете вообще отпадает.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

Что решил президиум

Постановление намечает ряд практических мер, которые будут способствовать выполнению этой задачи, в том числе создание правления — органа коллективного руководства издательством «Советский писатель». Президиум СП поддержал предложения о создании издательства московских писателей «Современник», издательства художественной литературы в Белоруссия, а также об организации редакции новлюнок современной художественной литературы в Гослитиздате.

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЧИТАТЕЛЬ ЕЩЕ НЕДОСТАТОК

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

ОТВЕЧАТЬ НА ЗАПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

САМОКРИТИКА И МНОГОЕ СОБРАВИШЕ ОСТАЛИСЬ НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫМИ

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

С ОГОВОРКАМИ

— Если за последние три года мы все больше и больше выпускаем новых книг, «Советский писатель» представляет читателю многих писателей, вступающих в литературу с первыми книгами. Мы будем это делать шире и смелее. Но, всемерно расширяя выпуск литературы, мы никак не можем забывать о борьбе за качество. Это — наша задача, и мы должны ее неустанно решать. К сожалению, печатая и, в частности, «Литературная газета» отклоняется далеко не на все книги, вышедшие в «Советском писателе». Преобладающее большинство отзывов на наши книги — положительные.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИНЯЛ РАЗВЕРНУТОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Президиум правления СП СССР считает, что издательство сумеет справиться со своими задачами лишь в том случае, если, преодолев инерцию сложившейся системы, по-новому построит работу, проявит инициативу и творческую изобретательность, станет подлинным организатором сил нашей многонациональной советской литературы».

Послание Фредерика Жолио-Кюри XIV съезду Французской коммунистической партии

В послании Фредерика Жолио-Кюри XIV съезду Французской коммунистической партии, которое было оглашено на заседании съезда 20 июля, говорится:

Дорогие товарищи! Мне хорошо понятно значение того доверия, которое оказала мне федерация департамента Сены на своей конференции, избрав меня делегатом XIV съезда. Я осознаю значение этого избрания и ответственность, которую оно влечет. Я вынужден заканчивать серьезный курс лекций и глубоко сожалеть, что не могу участвовать в ваших работах и вынужден ограничить свое участие отправкой послания.

За эти последние годы события исключительной важности сменяют друг друга. Без преувеличения можно говорить о подлинном наплыве событий, преобразующих и неслыханных многих концепций, которые до сих пор многими считались справедливыми и неизбежными. Не будет преувеличением сказать, что человечество переживает великий поворот в своей истории. Как прекрасно жить и работать в такую эпоху!

Эта эпоха, несмотря на несправедливость, невзгоды и преступления, которые еще имеют место в большом количестве, ясно показывает, что усилия и жертвы прогрессивных людей, предшествовавших нам, не были напрасными. Были одержаны победы огромного и, можно сказать, решающего значения для будущего. С каждым днем все больше людей начинают понимать, что их судьба, их движение вперед зависят от того, как каждый из них действует и действует. Они не считают себя большими свидетелями, беспомощными перед событиями, объясняемыми волей и капризами высших сил, исходящих от привилегированных меньшинств или богов, природы или людей.

Эволюция прогресса, сначала очень медленная и порой прерываемая быстрыми революционными успехами любого характера, естественно, должна была ускорить свои темпы под давлением все большего числа людей, исполненных решимости, несмотря на все препятствия, ликвидировать эксплуатацию человека человеком, людей, стремящихся создать таким образом условия материального и духовного освобождения всего человечества.

Сегодня ясно представляется во всей своей силе и огромном прогрессе, объясняемый делом Маркса, который сумел с помощью научного метода установить важнейшие законы эволюции человеческих обществ! Насколько ценно для нас обогащение марксизма и конкретные доказательства ценности метода, данные Лениным и его учениками в развитии русской революции!

Нужно также сказать о приходе многих стран к социализму, сказать также о завоеванной независимости или о стремлении к независимости народов, которые вчера еще были колонизаторами или которые являются еще ими. Но в эти последние годы, кроме того, мы являемся свидетелями развития науки и техники в их грандиозном применении в мирных целях, но также — увы! — и их разрушительное использование. И в этом отношении выбор между благотворными и разрушительными аспектами не является больше делом меньшинства, а делом общественного мнения, которое нужно непрерывно информировать таким образом, чтобы каждый чувствовал себя лучше вооруженным для того, чтобы требовать благоденствия от науки и бороться против тех, кто обращает ее на разрушение и смерть.

Проблемы войны и мира перестали находиться в зависимости только от власти меньшинств, которым удавалось до сих пор под ложными предлогами вовлекать народы в бойни, несмотря на ужас, который они все питают к войне. Благодаря всемирной деятельности в защиту мира во всем мире существует большое общественное мнение, которое нельзя больше легко обмануть. Оно является уже большой силой, с которой нужно считаться для разрешения международных проблем.

Одним из следствий этой признанной силы общественного мнения народов является недавняя замена опасной «холодной войны» ослаблением напряженности.

Силы мира, вместе с которыми каждый коммунист должен действовать, должны упорно и неустанно стремиться к тому, чтобы это общественное мнение все больше и больше создавало свою силу и имело бы возможность противодействовать войне.

XII съезд Коммунистической партии Советского Союза подвел грандиозные итоги огромных достижений. Советский Союз за двадцать лет стал одной из самых важных держав всего мира. Эти социальные, технические и культурные преобразования были совершены беспрецедентными темпами.

Эти положительные итоги, как и исправления, внесенные XX съездом, являются замечательным примером силы и мощи великой коммунистической партии, воодушевленной и руководимой своими принципами и заботой о будущем.

Из этого мы можем извлечь новое доказательство глубокого различия, существующего между капиталистической системой и социалистической системой.

При капиталистической системе человек, обладая всеми возможными качествами, но находясь на службе капитализма и следуя его правилам, постоянно находится в положении, которое в лучшем случае может побудить его выбрать решение, менее плохое, чем другое решение для массы своих сограждан из своей страны. Его поведение в основном зависит от самой системы, а не от его качеств.

Социалистическая система никогда не ставит в такое положение того, кто ей служит. Принесут ли его действия благо или зло, зависит от его качеств, а не от системы. И поскольку речь идет о человеческих качествах, общество — хозяин, оно может либо изменить человека, либо его заменить. Точно так же прекрасный ученый, расходясь логично, но исходя из неправильных основ, не может прийти к правильным выводам. Если предположить правильные, то вопрос о том, будут ли выводы хороши или плохи, зависит исключительно от качества

ученого, и мы сможем судить о нем, доверяя ему или не доверяя.

Тот факт, который мы понимаем, а именно, что благо или зло зависит от качества руководителей, а не от социалистической доктрины или системы, должен заставить нас бительно следить за выбором хороших руководителей, чтобы добиться основных целей как можно скорее и с наибольшим результатом общих усилий.

Я хочу подчеркнуть значение этой двойной необходимости: как можно быстрее и с наибольшим результатом. Некоторые говорят, что движение к коммунизму неизбежно, что капитализм несет в самом себе зародыш своего уничтожения и в силу этого исчезнет. Это верно, но нельзя, чтобы подобные заявления привели к своего рода выжиданию и фатализму.

История свидетельствует о долговечности существовавшей феодальной системы или капиталистической системы, которая еще существует. Наша роль именно в том и заключается, чтобы действовать с целью ускорения правильного хода истории.

Позвольте мне добавить еще несколько замечаний о жизни нашей партии. Несмотря на всю их простоту, я думаю, что им нужно придать определенное значение. Речь идет о доводах, которые мне приходилось приводить во время многих бесед с товарищами и с честными людьми, не разделяющими мои убеждения.

В нашей партии постепенное выживание на основе фактов, как человек проявил себя в борьбе, причем в качестве критерия не забывают о самой практике руководства, которая обеспечивает приобретение неопытного опыта. Именно этим объясняется то, что в общем оказались неопытными правильными столько партий и политических мер, разработанных и проведенных нашей партией.

Долг каждого коммуниста состоит в том, чтобы сделать все для еще большего обогащения опыта партии и ее руководителей. Это подразумевает, что все члены партии должны действовать, чтобы оценки, критика, предложения, исходящие от партийных организаций, ячеек, секций, федераций, дошли до руководства. Как и вся научная деятельность, определение политики партии требует точного знания фактов. Не сообщайте об этих оценках, этой критике или этих предложениях — значит лишить партию знакомства с частью этих необходимых фактов.

Даже если они сформулированы не полно и неодинаково верно во всех своих частях, эту критику и эти предложения надо выслушать с самым большим вниманием, стараясь выявить верную часть. Но насколько полезнее та критика, вместе с которой предлагается выход. Вспомним, что мы не можем говорить компетентно обо всем. Компетенция каждого человеческого существа ограничена, и надо добиваться, чтобы он формулировал свою критику особенно в своей области.

Таким образом, в партии реализуется постоянное двойное общение — между низовыми организациями партии, массой ее членов и руководством. Речь не идет о том, чтобы постоянно ставить под сомнение принятые решения, что лишило бы борьбу всякой действительности. Речь идет о прямом участии партийной массы в разработке решений и о постоянном внесении в них коррективов в зависимости от каждодневных реалий, трудностей и успехов, с которыми сталкиваются все партийные организации при проведении их в жизнь. Низовые организации партии не имеют права позволять руководству не считаться с их трудностями, сомнениями, критикой. Руководство не имеет права предоставлять членам партии бархатные в трудностях, не помогая им своим опытом.

Мы иногда приходимся при чтении какого-либо текста заявления Центрального Комитета, Политбюро, секретариата или партийного руководителя удивляться или даже не соглашаться сперва с тем или иным положением. Зная о тех условиях, в которых наиболее ответственные товарищи смогли согласиться занять руководящие посты, и проверив справедливость их суждений в различных обстоятельствах, я отверг упрощенческую и глупую точку зрения, заключающуюся в том, чтобы безапелляционно заявлять, что такая позиция достойна сожаления. Мой долг состоял в том, чтобы поразмыслить и попытаться понять причины, продиктовавшие такую позицию. В результате чаще всего у меня создавалось впечатление, что эти решения хорошо обоснованы. Но, когда мне не удается понять причины, тогда я всегда откровенно беседовал с заинтересованными и ответственными товарищами, и такая беседа оказывалась полезной.

Каждый из нас может действовать таким образом, начиная, к тому же, с осуждения на уровне своей ячейки, своей секции, своей федерации.

Для нас особенно важно хорошо знать среду, окружающую нас, понять интересы честных людей и чувства, которые они испытывают по нашему адресу, понять их язык. Мы должны избегать того, чтобы, усвоив слишком резкий, а поэтому и малодобротный стиль, отдалять от себя людей, приближаясь к нам и начинающих понимать нашу политику, явную позицию. По существу не должен быть какой-то особый стиль. Имеется один язык, один словарь, доступный и понятный для всех. Если критика со стороны тех или иных товарищей является важной, знакомство с замечаниями, с критикой, высказанной по нашему адресу честными людьми, имеет не менее важное значение.

Если мы не ознакомимся с этим, мы рискуем оказаться в изоляции и отгородиться от среды. Коммунисты не образуют какую-то особую секту; они являются частью народа.

Наши противники считают, что партийная дисциплина носит принудительный характер, и они обвиняют партию в том, что она подавляет инициативу и творческую мысль. Мне кажется, что такая дисциплина является необходимой и представляет собой большую силу. Но не

годится, чтобы решения выполнялись исключительно благодаря дисциплине и без наличия самого глубокого согласия.

По существу можно принимать ту или иную позицию в результате доверия, но нужно стремиться к тому, чтобы существовало глубокое согласие. Необходимо исходить из этого при выполнении какого-то решения таким образом, чтобы действие было результатом убеждения настолько глубокого, когда кажется, что как будто это решение исходило от нас самих. Таким путем может возникнуть энтузиазм и проявиться счастливая инициатива, ведущая к успеху.

Недавние события, возникшие после XX съезда, вызвали со стороны многих представителей интеллигенции призывы и советы, которые зачастую являются оскорбительными: Освободитесь! — говорят коммунистам — представителям интеллигенции; освободитесь! Но от чего мы должны, по их мнению, освободиться? Никогда я не чувствовал себя таким свободным. Какая это будет свобода, если мы поддадимся таким призывам со стороны тех, кто был бы очень доволен увидеть, как в результате такого процесса в наших рядах возникло бы разобщение? Конечно, мы должны обсуждать эти вопросы, разные вопросы, обсуждать серьезно и с достоинством. Нельзя отрицать, что речь идет о важных и сложных проблемах, к которым нельзя относиться с легкостью, и я считаю, что для того, чтобы быть в состоянии лучше судить о них, мы, коммунисты, представители интеллигенции, должны постоянно помнить о тех великих целях, ради которых мы боремся бок о бок с теми, кто является жертвами самых больших несправедливостей и эксплуатации.

Как университетский работник, например, я никогда не уступаю в виду во время этих обсуждений тот факт, что менее двух процентов учащихся являются выходцами из рабочего класса. Картина этих несправедливостей, этого неравенства с момента рождения, позволяет правильно оценить время, посвященное этим обсуждениям, значение которых, я повторяю, нельзя отрицать, и позволяет, кроме того, вести эти дискуссии на лучшей основе.

Больше, чем кто-либо другой, мы любим свободу, но не такую свободу, которая состоит в эксплуатации своего ближнего, не такую свободу, которая может приспособиться к капиталистической системе, а свободу, очищенную от всякого лицемерия, от всякой лжи. Мы слишком уважаем слово свобода, чтобы с легкостью использовать его.

Свобода выигрывает от наших совместных усилий. Мы озабочены тем, чтобы исчезла социальная несправедливость, нищета, ложь, унижение и моральное осуждение, присущие капиталистической системе. Борьба вместе с теми, кто самым непосредственным образом страдает от этих несправедливостей, мы находимся в положении, в котором мы можем содействовать их исчезновению. Наша свобода вытекает из этого воодушевляющего чувства эффективности.

Конечно, люди не являются совершенными. Ошибки имели место, и некоторые были очень серьезными. Все должно их осудить, и каждый может уметь, как мы их осуждаем, когда они являются ошибками, стать достойным человеком, как товарищ Сталин. Но эти дела не касаются ни марксистско-ленинского учения, ни социалистической системы. Эти дела касаются людей, и можно избежать их повторения, опираясь на систему и ссылаясь на историю. Мы сами сумеем таким образом избежать их появления в нас.

Это не является оправданием, далеко нет, но сколько преступлений, я спрашиваю вас, совершается ежедневно в странах, которые провозглашают себя сторонниками свободы и в которых, например, по предлогу умиротворения убивают тысячи людей?

Дорогие товарищи! Наша страна также переживает это разветвление, эту быструю смену событий, которые придают тон нашей эпохе.

За периодом огромного энтузиазма и большого подъема реконструкции и возрождения Франции, наступившем после освобождения под влиянием народных сил, последовал период отступления тех, кто боялся народа и не веря в его замечательные качества, уступил иностранному давлению и иностранным требованиям. Тем самым они смогли обеспечить себе большие прибыли, нанеся материальный ущерб стране. Они смогли привокать нашу страну к коалиции и сделать все, чтобы вовлечь ее в крестовый поход против сил прогресса.

Класс Французской коммунистической партии, она противодействовала с самого начала этой политике, противоречащей интересам Франции.

Но очень многие французы хорошо знают опасность этой политики и ослабление положения нашей страны в мире. Демонстрация этого мы можем найти в результатах выборов 2 января. Многие избирательные программы были вынуждены в большей или меньшей степени отразить глубокое и новое стремление народа к изменению внутренней и внешней политики Франции. И в этом отношении, опираясь на эту волю и выражая ее более конкретно и более действенно, можно эффективно осуществить эти спасительные изменения. Эти выборы подтвердили оценку, сделанную XIII съездом в отношении стремлений народных сил и соотношения политических сил. Результаты выборов являются следствием усилий, предпринятых в соответствии с этой оценкой. Мы в состоянии предвидеть еще более важные изменения, осуществление которых зависит в основном от наших усилий, от нашей способности убедить и повести за собой. Сама цель и задача XIV съезда заключается в том, чтобы подготовиться для нашей страны завтрашний день, отныне уже очень близкий и достойный славы истории Франции и ее народа.

Наши рабочие, наши земледельцы, представители нашей интеллигенции имеют очень большие достоинства и будут работать, а в этом уверен, во имя счастья всех и во имя мира с тем творческим энтузиазмом, который делает страну счастливым и полезным всему миру.

ТАВР, 21 июля

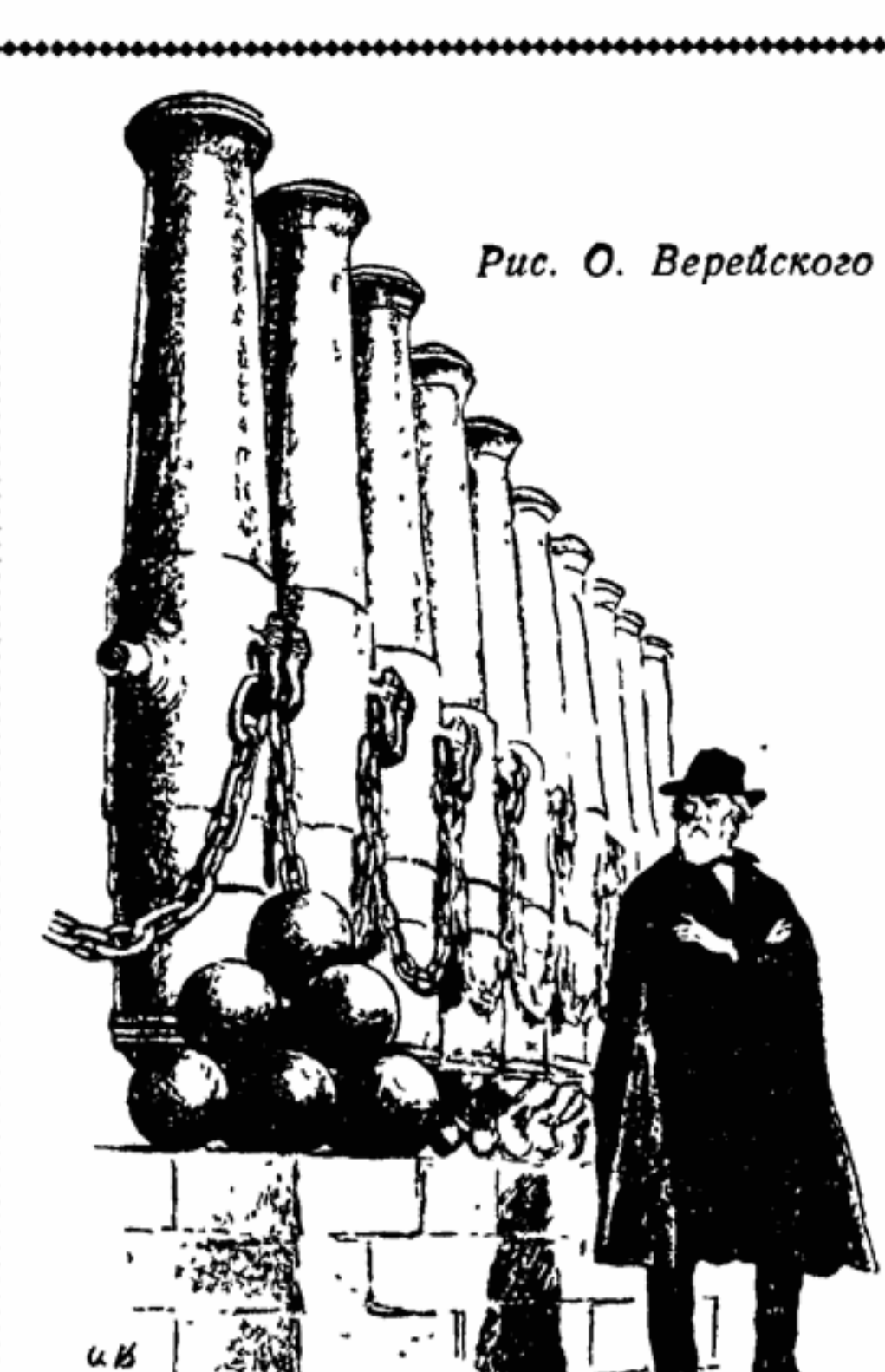

Рис. О. Верейского

Заседание Комиссии ООН по разоружению. Американский делегат Лодж доказывает, что США не могут принять советское предложение об отказе от применения силы и использования атомного оружия. Знакомая ситуация... И вдруг на галерее для гостей неслышно распахнулись двери и в зале появился седовласый старец в длинном черном сюртуке — Генри Уодсворт Лонг-

Генри ЛОНГФЕЛЛО АРСЕНАЛ В СПРИНГФИЛДЕ

фелло, выдающийся американский поэт, автор всемирно известной «Песни о Гайавате». С минуту он изумленно слушал речь своего соотечественника, выходя в ее смысл, потом грозно нахмурился...

Это, конечно, фантазия. Американский бард поэт в 1832 году. Но и сейчас его стихи зачитывают мид. Мы помещаем новый перевод стихотворения Лонгфелло «Арсенал в Спрингфилде». При всей своей религиозной окраске эти стихи звучат как страстный и непримиримый протест против войны, против гонки вооружений.

Вот арсенал. Чудовищным органом
Встают оружейные столбы.
Нет, не хоралом — грохотом
нежданном

Они взрывают мирные углы.

Ах, что за рев возникает
в атмосфере,
Лишь ангел смерти клавиши нажмет!
Какая скорбь и мрачный Мизерера!
Сольются с воем, рвущим небосвод!

Я слышу хор свирельный, бесконечный,
И хрип агоний, и немолчаливый стон;
Сквозь тьму веков к нам бойни
отзвук вечный

Доходит с незапамятных времен.
Кует саксонский молот шлем и латы,
Поет в Киммерийских чашах скандинав,
Татарских полчищ топот, как раскаты
Степной грозы, я слышу, заревожар.

Вот колокол бранный ночью
тревожа,

Покинул флорентинец замок свой;
Бьет в барабаны из эвонийской кожи
Жрецы ацтеков, возвещающ бой.

Я слышу вопли деревьев сожженных,
Голумный вой кварталов осажденных;
Шум грабежа, солдатскую гулбу;
Врывающиеся цитадели снарядов,
Ружейные залпы треск и лязг

И мощные регистры канонады
В тональности рокочущих громов.

О, человек, зачем ты нарушаешь
Ужасным шумом мир лесов и нив,
Природы добрый голос заглушаешь,
Небесную гармонию смущаешь!

Когда бы средства зле и разрушения,
Запраты на казармы и суды
Истребить на нужды просвещения,
То в арсеналах не было б нужды,

Постылым стало б ремесло солдата,
И тот народ, который бы опять
На брата руку поднял, предал брата,
На лбу носил бы Кинна печати!

За делью лет и новых поколений,
Слабея, замирает гул мортир.
И слышу я: как благовест весенний,
Христос опять провозглашает: «Мир!»

Мир! И уже дышаньем медных глоток
Орган Войны небес не содрасет,
Как песнопенья серафимов кроток,
Напев любви встречает дня приход!

Перевел с английского
Р. МОРАН

Живой Бернс

Широко отмечено в Англии 160-летие со дня смерти великого поэта Роберта Бернса. О народной любви к Бернсу рассказывает в своем очерке А. Елистратова, побывавшая с группой советских литераторов на родине поэта в Шотландии.

В Шотландии много памятников Роберту Бернсу. В Эйре, Кильмарнок, Дамфризе, Глазго, Эдинбурге — всюду встречаются его бюсты. Встретить его бюст в Шотландии — это значит встретить его бюст в Шотландии. В этом мы, группа советских литераторов, посетивших в прошлом году родину поэта, имели неоднократную возможность убедиться. Рождение всей полнотой народной жизни, вобравшее в себя память народных обид, надежд и мечтаний, творчество Бернса естественно вернулось к народу, стало неотъемлемой частью его духовного мира.

25 января — день рождения Роберта Бернса — уже давно сделалось национальным праздником. Повсюду в Шотландии в этот день — и в ратушах больших городов и в самых глухих рыбацких и шахтерских поселках — на средства клубов Бернса, возникших еще на рубеже XVIII и XIX веков, и складывают устраиваются вечера. Освященный обычаями церемония предшествует и забавные и торжественные подробности этих празднеств. «Хатрис» — увеселительный Бернсом пудинг из потрохов и овсянки — появляется в зале как знатный гость под звон колокола, и председатель, встав, приветствует это блюдо, читая обращение Бернса «К хатрис». Стихи Бернса влетают в каждый из традиционных тостов: а главный из них неизменно по праву посвящается бессмертной памяти поэта. Но как ни прок этот праздничный ритуал — дань одного вечера, — он не может дать представление о том, как прочно входит Бернс в каждодневную жизнь простых людей его родины. Даже недолгое пребывание в Шотландии достаточно, чтобы запечатлеть в памяти множество неповторимых подробностей, без слов говорящих об этом.

Вспоминается долгий июньский вечер в маленьком приморском местечке на юго-западном побережье Шотландии. На плотном влажном песке во время отлива молодежь, сбившись в стайки по восемь человек, без устали танцует замаслистые и запыленные шотландские народные танцы. В ритме которых писал свои песни Бернс. Заходям отдохнуть в чайную. Вокруг лодки на обломках камней и в углублении между скалами светятся ярким многоцветным ковровым низкорослыми горные цветы. Этот альпийский салик — гордость хозяев: пятнадцатилетний терпеливый труд понадобился для того, чтобы вырастить его наперекор морским ветрам. Хозяйка, суровая пожилая шотландка, недоверчиво поглядывает на нас. Но речь заходит о Бернсе — и вот уже лед сломан. Она просит нас написать ей на память по-русски хоть несколько строк из «Честной бедности»:

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью,
Кто честным кормится трудом,
Таких зову я знатно.

И на прощанье, улыбаясь и пожимая нам руки, она произносит сразу оба изречения ее русских слова: «Спасибо! Ничего!»

А рядом с этим вспоминается другой, зимний вечер. Шотландский январь, чем-то напоминающий нашу раннюю весну; тусклое отблески заката над еще не оттаявшими пустынными полями... Мы только что простились с Эллисондей — последней фермой, на которой работал Бернс. В то время как наш автобус осторожно двинулся по скользкой дороге, послышался писк. Запела одна из пассажирок, немолдая женщина, вполголоса, про себя; но песню подхватили все, и она зазвучала печально и раздельно. Это была знаменитая прощальная песня Бернса — та самая, которую струфу которой чуть нечисто, но с захватывающей сердце силой перевел Лермонтов:

Если б мы не дети были,
Если б слезы не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не зналис.

Передо мной — пожелтевший листок бумаги: напечатанная на машинке программа школьного концерта в Эйрской академии — средней школе города Эйра, близ которого родился Бернс. На стене актового зала — портрет основателя академии. Почтенный старик джентльмен в пудреном парике и парадном кафтене XVIII века хмуро поглядывает из золотой рамы на то, что происходит на сцене. Кто знает, насколько одобрил бы он этот весенний разлив вольных мелодий, лукавого юмора, смелого чувства: маленький Рональд Джек — самый младший из участников концерта, подавшийся грудью вперед, сжав кулаки, читает стихотворение Бернса «Брюс — шотландец», ставшее неофициальным гимном Шотландии. Звучат трогательные строфы «Даллобы Марии, шотландской королевы», которые читает Арлена Мьюр, — и слыша этот чистый детский голос, жаждущийся на заточение и обиды, начинаешь яснее понимать поэтическую прелесть легендарного образа Марии Стюарт, созданного во воображении народа. А вот и песни Бернса — и протяжные, задумчивые, и полные задорного, вызывающего веселья, как песенка «Только свиство — и я к тебе выйду, дружок», которую когда-то пела Бернсу Джин Андерсон, а теперь поет школьница Мойра Андерсон... Ломкие, еще не установившиеся голоса, полудетская угловатость движений, наявная старательность иттоаций, но сколько за всем этим непериторное увлечения, покорающего своей искренностью душевного подъема.

Так воспоминания о Шотландии Бернса сливаются воедино с воспоминаниями о Шотландии наших современников — всех тех, для кого стихи и песни поэта — не просто книжная «литература», а нечто привычное и необходимое, как хлеб и воздух.

Перебирая мысленно впечатления от бернсовских памятных мест, неизменно слышится в то же время живые голоса, видны дружеские руки, указывающие: «Вот природный камень, — мы очистили его от снега. Здесь, говорят, повстречался Бернс с тем провозником, о котором рассказано в стихах «Смерть и доктор Хорнбук». «Посмотрите налево, — вот за теми деревьями Бернс простился со своей тельской Марью». Вот тропинка над Нисом, над самым образом, — здесь любил бродить Бернс; здесь он сочинил «Тама О'Шентера»... Вот подлинная рукопись «Брюс — шотландец». Сколько огня, сколько страсти в самом почерке! Посмотрите, как выделана на слово «Свобода»!

Бернс не мог бы занимать такого места в жизни его соотечественников, если бы не этот дух народного, зачастую безымянного энтузиазма. Народная, «шиллговая» подлика воздвигла памятник Бернсу в Глазго. Народная подлика сохранила «старый мост» в Эйре, воспетый поэтом.

Дух народного энтузиазма отразился и в книгах Джеймса Барка, видного шотландского литератора, большую часть жизни посвятившего Бернсу.

Уже немолодой, тяжело больной человек, Джеймс Барк молотет, стоит ему заговорить о Бернсе. Он — неутомимый собиратель и исследователь шотландской народной музыки и песни, глубоко убежденный в том, что нельзя вполне постичь величие Бернса-поэта, не зная мелодий, на которые он писал свои песни. Он — текстолог, включивший в недавно опубликованное издание «Стихов и песен Роберта Бернса» (1955) свыше 60 новых произведений, из которых некоторые были напечатаны впервые. И вместе с тем он — беллетрист, автор пятитомного цикла романов о Бернсе.

Эти романы — «Ветер, который колыхает листья», «Песня в зеленом башмачке», «Тот, кому дивился весь свет», «На грёбе разбившейся волны» и «Источник умолкнувшей арфы» — выходили на протяжении десяти лет, с 1946 по 1954 год. Автор объединял весь цикл общим заглавием — «Бессмертная память».

«Мой портрет Роберта Бернса беззащитно романтичен и идеален; но он прочнее обоснован историческими фактами, чем какой-либо другой», — пишет Барк в предисловии к заключительной части цикла. — «Время поставило крест на попытках бесчисленных портретистов Роберта Бернса; и с моей стороны было бы безрасудством жалеть от времени лицемерности, которой оно никогда не отличалось. Все, на что я

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Г. ГУЛИНА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

преденду, — это то, что я сделал лучше, что мог, для моего поколения. Это — труд пионера по расчистке почвы от массы вздора и ядовитых зарослей злобной клеветы. Последнее слово о Бернсе еще не написано, — и никогда не будет написано. Последнее слово остается за самим Бернсом, так же, как последнее слово о Бетховене остается за Бетховеном, а последнее слово о Рембрандте — за Рембрандтом».

Перед читателем встает старая Шотландия, родина Бернса. Убогие фермы, где скотинка нередко находила приют под одной крышей с людьми; рига, куда приходили учиться танцевать босоногие девушки и парни; угрюмые приходские кирки, разгульные, шумные ярмарки и тракторы, где за кружкой эля или стаканом виски люди заключали сделки, обменивались новостями и слухами, вели заветные разговоры о жизни, плакали и смеялись и пели песни — и старые и новые песни, написанные Робертом Бернсом.

И, вырастая постепенно из множества тщательного выписанных подробностей, перед нами встают образы самого Бернса и его жизненных спутников — тех, кого он презирал и ненавидел, тех, кто был ему дорог, тех, кого он любил.

Пожалуй, самой сильной книгой всего цикла является заключительная его часть — «Источники умолкнувшей арфы». Это — роман о последних годах жизни Бернса в Дамфризе, годах народных возмнений и правительственного террора, когда акцизному чиновнику Роберту Бернсу было официально предписано «сделать свое дело, а не думать», а в послужном его списке начальной рукою было начертано: «Опыт не имеет; поэт». Эта книга волнует читателя не только потому, что воочию показывает ту обстановку нужды, тревог и непосильного напряженного труда, в которой прошли последние годы безвременной оборвавшейся жизни Бернса. Она волнует пафосом духовного мужества и гордого достоинства, которые великий поэт Шотландии сумел отстоять наперекор всем гонениям и невзгодам и которые живут, воплощенные навеки, в его «Честной бедности», «Брюс — шотландец», в его «Застольной», славящей дружбу простых людей.

«В Дамфризе, — пишет автор в предисловии к этому последнему роману о Бернсе, — его философия достигла полной зрелости. Он знал все, что можно было знать; видел все, что можно было видеть... Он умер в своей постели на 38-м году жизни; если бы он не умер, общество сочло бы необходимым распять его. Представляем читателю судить, была ли трагедией эта ранняя смерть Бернса; а если это была трагедия, то до какой степени».

Всем ходом своего биографического повествования Барк подводит читателя к верному ответу на этот вопрос. Гуманистический, жизнеутверждающий замысел его патристичного повествования раскрывается именно здесь, в истолковании трагедии Бернса как трагедии, сказали бы мы, оптимистической, в которой разум, мужество и любовь к жизни восторжествовали над угнетением и смертью, потому что их поддерживала вера в народ.

Автору «Бессмертной памяти» иногда хотелось бы пожелать большей сдержанности в обращении с некоторыми подробностями личной жизни поэта. И не потому, что нам хотелось бы придать Бернсу столь чуждое его облику чопорное, пуританское благообразие и искусственно обуздать, задним числом, кипение его бурных страстей. Но те чувства, которые свободны и естественно, с покорающей силой выражались в поэзии Бернса, нам кажется, плохо поддаются хотя бы и очень добросовестному и тщательному описанию и переосмыслению в строгих канонах летописца, в роли которого выступает романист. Быть может, рассматриваемые романы о Бернсе выиграли бы, если бы в некоторых случаях их автор последовал собственному совету, высказанному им в уже цитированном предисловии, и в изображении любовных увлечений поэта представил «последнее слово» самому Роберту Бернсу.

Но каковы бы ни были наши частные несогласия с методом построения художественно-биографического повествования, избранного автором «Бессмертной памяти», нет сомнения в том, что эти книги с интересом прочтут те, кому дорога наследия шотландского поэта.

А. ЕЛИСТРАТОВА